

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 5 (409)

18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехославии, Польши
Юг славии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. —
25 фр., для С.А.С.П.: за год — 6 дол., за ½ г. — 3 дол., за ¼ г. —
1,50 дол.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. —
75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square
Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

18 Марта 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Лавина тронулась...
Новая бойня в Москве.
Ф. Дан. У последней черты.
Р. Абрамович. Международное значение московского
процесса.
Международные отклики на процесс.
К оклеветанию Ф. Дана.
Печать о процессе.

Ф. Дан. Несколько слов по «своему» делу.
Заявления, письма и пр.
Из партии: 40-летие РСДРП. — Борис Мер (некролог).
По России: Аресты в Ленинграде. — Процесс 21-го. — Раз-
гром Коминтерна. — Двойная бухгалтерия. — Кризис
Красной Армии.
В последнюю минуту.

Лавина тронулась ...

Никогда еще призрак надвигающейся войны не бро-
сал такой зловещей тени на Европу, как в эти дни, ко-
гда германские ультиматумы ломали последние попыт-
ки сопротивления австрийского клерико-фашизма, а
германские войска входили в пределы Австрии. И эта
тень отнюдь еще не рассеялась. Лавина германского
национал-социализма тронулась, и достаточно взгля-
нуть на карту, чтобы понять, что оккупация Австрии
— это не конец, а начало: Чехословакия уже охваче-
на с трех сторон клещами гитлеризма; национал-социа-
листические армии докатились до Балкан, столь обиль-
ных хлебом, скотом, нефтью и всяческим сырьем, нуж-
ным вооружающейся Германии, и столь богатых взрыв-
чатыми антагонизмами, могущими дать любой предлог
для гитлеровских интриг; парализацией Чехословакии
поставлена под угрозу и Польша, двусмысленную по-
литику которой так хорошо умел использовать в сво-
их целях национал-социализм; а через Балканы и Польшу
открывается дорога и в Советский Союз. Лавина
тронулась, и пока еще не видно, где она остановится
и, главное, кто ее остановит...

Если пожелать уяснить себе конечные причины
столь бесславного крушения Австрии, «независимость»
которой была несчетное число раз «гарантирована»
Англией, Францией, Италией, Лигой Наций, и столь пол-
ного и беспрепятственного торжества германского на-
ционал-социализма, то надо было бы вернуться ко всей
военной и по-военной политике господствующих клас-
сов держав-победительниц, втиснувшей все после-воен-
ное развитие Европы в колодки насильственного мира

и оказавшей такое роковое влияние на судьбы русской
и средне-европейских революций. Этот ретроспектив-
но-критический анализ цепи событий за последние чет-
верть века безусловно необходим, ибо, лишь учтя его
результаты, сможет международный пролетариат на-
щупать правильный путь и избежать повторения роко-
вых ошибок, если катастрофа новой войны обрушится
на Европу и на весь мир. Но сейчас, когда пожар вой-
ны может вспыхнуть со дня-на-день и когда поэтому
вопрос «что делать?» стоит в самом непосредственном
и практическом смысле этих слов, приходится сосре-
доточиться на тех ближайших факторах, которые
вызвали австрийскую катастрофу и воздействие на ко-
торые, быть может, еще способно предотвратить пере-
ростание ее в катастрофу мировую.

Говоря о ближайших факторах, приходится иметь в
виду факторы двоякого рода: внутри-австрийские и
международно-политические.

Что касается внутренних факторов крушения
австрийской независимости, то они очевидны: австрий-
ский клерико-фашизм расплачивается за февраль 1934
года, когда он пушками громил «Красную Вену» и ав-
стрийский пролетариат и собственными руками уничто-
жил ту единственную силу, которая могла бы с успе-
хом противопоставить свою организованность, свой идеа-
лизм, свой революционный порыв варварству нацио-
нал-социализма. После Берхтенгаденского ультимату-
ма мысль о «примирении» с рабочим классом начала
как будто шевелиться в головах его палачей. Но они,
конечно, не могли решиться на тот крутой поворот, ко-

того требовали революционные социалисты Австрии и который мог еще спасти положение. Им и в голову не приходило начисто аннулировать злое дело, содеянное ими 4 года тому назад, т. е. признать свою азартную игру проигранной, раскрыть арсеналы перед рабочими Австрии, призвать их к вооружению, а их партию, социалдемократию, к организации сопротивления гитлеровским бандитам, — сопротивления, которое могло бы существенно изменить и всю международную ситуацию. Они оказались способны лишь на призрачные уступки и полууступки, которые разоблачили их слабость, но не могли мобилизовать рабочие массы, и которые поэтому только поощряли Гитлера к скорейшему наступлению. С точки зрения внутри-австрийских факторов дело уже непоправимо, тут ничего уже изменить нельзя.

Иначе обстоит дело с факторами международного-политического порядка. Тут многое, если не все, еще может быть изменено. Тут во всяком случае еще можно, а потому и должно, бороться за изменение.

Первым из факторов этого порядка является та капитулянтская политика, которую вели за последние годы великие демократические державы по отношению все более наглевшей милитаристски-фашистской агрессии Японии, Италии, Германии. Американская печать обличает капитулянтство Англии и Франции. Но с меньшим, а, пожалуй, еще большим правом могла бы американская кума «на себя оборотиться», ибо ее своекорыстный «изоляционизм» сыграл поистине роковую роль во всем после-военном развитии Европы. Мы не станем снова останавливаться на причинах этого капитулянтства, в котором неспособность упадочной капиталистической буржуазии вести сколько-нибудь дальновидную политику сочетается с решающим влиянием социальных притяжений и отталкиваний. Самое капитулянтство, стыдливо прикрываемое никогда не удающимися, но непрерывно возобновляемыми попытками опереться на одну разновидность фашизма против другой, не подлежит сомнению. И после того, как оно, можно сказать, было «приведено в систему» новым поворотом политики консервативного английского правительства, Гитлер мог без всякого риска предпринять завоевание Австрии, мог позволить себе грубо отклонить все запоздалые протесты английского и французского посланников, как министр иностранных дел его итальянского подручного мог по-просту отказать принять французского поверенного в делах. Австрией расплачиваются великие демократические державы за преданные ими Китай, Абиссинию, Испанию. И — последняя-ли это расплата?

Но есть и второй фактор международно-политического характера, сыгравший роковую роль в судьбах Австрии: это фактический выход Советского Союза из состава тех сил, которые оказывают решающее влияние на ход событий в Европе и во всем мире, — выход, оказывающийся неизбежным результатом той губительной политики, которую вот уже сколько лет и со все возрастающей настойчивостью ведет сталинская диктатура. Эта политика, дезорганизующая армию и хозяйство страны, все больше подрывает военный и дипломатический потенциал Союза и в то же время явно контр-революционным характером своего террора, находящим такое яркое выражение в постыдных «процессах», все больше лишает его возможности быть притягательным центром для международного пролетариата в его анти-фашистской борьбе. Сталинская политика поэтому все больше низводит Советский Союз до той роли, которую играла с начала нашего века обесиленная разложением царизма старая Россия, —

роли неисчерпаемого резервуара пушечного мяса, способного, конечно, в ходе войны «отвлечь» на себя известное количество германских дивизий и тем драгоценного для союзников, но неспособного быть самостоятельным и активным фактором ни в борьбе за мир, ни в борьбе за направление, исход и результаты возможной войны. Разве не характерно, что в эти дни, когда падает под ударами гитлеризма Австрия, когда рука германского национал-социализма так явственно протягивается и к ряду других «объектов», когда поэтому напуганные Англия и Франция пытаются так или иначе столкнуться об общих шагах, — разве не характерно, что в эти роковые дни никто и не вспоминает о Советском Союзе, никому не приходит и в голову привлечь эту «шестую часть земного шара» к попыткам спасти шатающийся мир и задержать дальнейшее продвижение гитлеровской лавины? Разве не характерно, что в эти именно дни трещит по всем швам франко-советский пакт, и социалистам и демократам Франции лишь с величайшим трудом удается отстоять его от атаки, которая ведется на него и изнутри Франции, и извне — притом не только фашистскими врагами, но и кое-какими демократическими друзьями и союзниками ее?

Капитулянтская политика демократий и бессилие Советского Союза — вот два фактора, которые сыграли решающую роль в крушении Австрии, которые служат колоссальным поощрением фашистской агрессии и поэтому прямо готовят грандиозную военную катастрофу. Изменить эти факторы, повернуть политику демократий в сторону решительного отпора и противодействия всем видам фашизма, укрепить военно-дипломатическую и международно-пролетарскую мощь Советского Союза, — это задачи, в разрешении которых кровно заинтересованы все социалисты, все демократы, все сторонники мира, можно сказать, все человечество за исключением тех численно ничтожных, но экономически и социально могущественных хищнических кликов, которые готовы, в своекорыстных интересах, залить весь мир кровью и потопить в этой крови всю человеческую цивилизацию.

Эти две задачи находятся как будто в разных плоскостях. Но достаточно задуматься над ними, чтобы увидеть, что между ними существует глубокая внутренняя связь и что методы их разрешения принципиально тождественны.

Австрийский поход Гитлера и намечаемые этим походом перспективы дальнейшего наступления его на Чехословакию, на Балканы и т. д., а его итальянского союзника на все части Средиземно-морского побережья, могли, конечно, напугать и готового к соглашению с фашизмом Чемберлена и заставить его предпринять кое-какие «энергичные» шаги. Но было бы безумием ожидать от консервативного правительства Англии, от правительства Лондонского Сити решительного и последовательного изменения той политики лавирования и капитуляции, которую оно неизменно вело за последние годы. Только приход к власти Рабочей Партии, только переход государства, а вместе с тем и внешней политики его, решения вопросов мира и войны, в руки демократического социализма, — только эта внутренняя победа английского рабочего класса могла бы обеспечить такую политику твердости по отношению к воинствующему фашизму, которая могла бы еще спасти мир или, по крайней мере, обеспечить поражение фашизма в войне, если годы отступления перед фашизмом сделали уже войну неизбежной.

Но точно так же безумием было бы ждать возрождения военно-дипломатической мощи и международно-пролетарского престижа Советского Союза от сталинского единодержавия, которое неумолимый рок влечет все дальше и дальше по пути разрушения всего, что

создано и завоевано русской революцией. Только подлинная демократизация советского режима, т. е. только торжество демократического социализма и в Советском Союзе, могла бы разрешить эту задачу, закрепив все те достижения революции, которые еще могут быть закреплены после разрушительного сталинского шквала, на прочном и стойком основании свободной организованной самостоятельности трудящихся масс.

Таким образом успехи и победы демократического социализма везде и всюду становятся основным условием успешного противодействия фашистской агрессии. Только демократический социализм, сознавший встающую перед ним грандиозную историческую задачу и сумевший подняться до уровня этой задачи, может еще спасти мир или повести человечество к победе над фашизмом, если фашистские поджигатели зажгут все-же пламя мировой войны. Эту истину, положенную в свое время в основу «военных» тезисов нашей партии, как нельзя более конкретно и отчетливо подтвердил и ход последнего правительственного кризиса во Франции.

Этот кризис был, несомненно, спровоцирован теми магнатами капитала, у которых ненависть к социальным и политическим завоеваниям Народного Фронта сочетается с желанием изменить и внешнюю политику Франции в том направлении сговора с фашизмом, которое в Англии представлено Чемберленом и глашатем которого во Франции выступил Фландэн. Провоцированный французской про-фашистской реакцией, правительственный кризис во Франции послужил, конечно, для Гитлера лишним поощрением к бесперемонному и наглому нападению на Австрию. Но тот же кризис, так тесно связанный с внешне-политическими вопросами и протекавший в такой драматической международной обстановке, заставил встрепенуться французский социализм и французскую демократию, заставил их дать себе самим более ясный отчет, чем когда-либо, в стоящих перед ними внешне-политических задачах и в методах разрешения этих задач.

Краткая, всего 2½-часовая, но импозантная сессия Совета французской социалистической партии была поистине исторической в том смысле, что на ней впервые был поставлен и свыше чем тремя четвертями делегатов без колебания разрешен вопрос военной политики социализма в нашу эпоху. Когда Блюм выдвинул, а подавляющее большинство Совета одобрило идею правительства «национальной концентрации» вокруг Народного Фронта, в свою очередь возглавляемого социалистами, как единственного правительства, способного не только мобилизовать все внутренние силы Франции, но стимулировать энергию и ее союзников и тем, быть может, вынудить еще фашистских агрессоров к отступлению и спасти мир, — то в этой идее заключена была другая идея, более широкая и принципиальная, идея, что в наше время только социализм может объединить нацию в отпоре фашизму, только он может повести ее с шансами на успех на решительную борьбу с фашизмом: ибо кто-же из присутствовавших на этом памятном заседании Совета не понимал, что, если бы та борьба за мир, во имя которой социализм заявлял о своей готовности возглавить «нацию», потерпела крушение, то проектированное Блюмом «правительство мира» немедленно превратилось бы в «правительство войны», руководимой социалистами и войны против фашизма?

Сам Блюм превосходно разъяснил в своей речи, как существенно такое правительство, в котором социалисты берут на себя руководство «нацией», в том числе и ее капиталистическими слоями, отличается от тех правительств «священного единения», которые ставили

трудящиеся слои нации под руководство капитализма и тем принуждали их к классовому самоотречению. Не надо строить себе никаких иллюзий и никаких преувеличенных представлений о размахе социалистической политики такого правительства в начале войны, которую ему пришлось бы руководить, чтобы понять, как неизбежно будут расти именно социалистические элементы его политики в самом ходе войны и в силу требований, ею предъявляемых.

Но сейчас речь шла во всяком случае еще об образовании не правительства войны, а правительства мира. Социализм предъявлял притязание на гегемонию не в ведении войны, а в борьбе за мир. Это его притязание — и это факт огромного исторического значения — было без возражения принято всеми политическими и профессиональными организациями рабочего класса, всеми трудящимися классами Франции, объединенными в Народном Фронте. Но оно было отвергнуто теми капиталистическими слоями, которые сделали словесный «патриотизм» своею привилегией. Этот отказ капиталистической буржуазии занять предоставляемое ей место в рядах правительства, призванного защищать национальные интересы Франции в момент величайшей военной опасности, как нельзя ярче подчеркнул неспособность этой буржуазии представлять нацию в критические минуты ее существования и подчинять свои эгоистические интересы интересам «общенациональным». Но он в то же время, в ущерб интересам Франции и интересам мира, сорвал образование «национального правительства». Ослабление-же Советского Союза, о котором мы говорили выше, и возрастающее отвращение, возбуждаемое в широких кругах демократического населения Франции кровавыми московскими расправами, дало радикалам возможность не допустить в новом правительстве участия коммунистической партии, на которое они соглашались в рамках «общенационального» правительства, но за которое они не хотели брать на себя ответственности перед избирателями в рамках правительства Народного Фронта.

Таким образом новое правительство Блюма по своему составу воспроизводит первое его правительство июня 1936 года: коммунисты в него не входят, они лишь обещают ему свою поддержку. Мы не будем говорить, какие неудобства создает такое положение с точки зрения развития внутренних отношений во Франции, принимая во внимание демагогическую недобросовестность французских ставленников Сталина. Но с точки зрения внешне-политической составленный ныне Блюмом кабинет, конечно, хуже вооружен для противодействия фашистской агрессии и для вовлечения в это противодействие и других держав, чем был бы вооружен проектированный Блюмом кабинет национальной концентрации под социалистическим руководством.

Однако, события на сегодняшнем дне не останавливаются. Их дальнейшее развитие может внести еще много изменений и во внутреннюю жизнь всех стран. Но как бы то ни было, одно несомненно: их развитие будет все больше и больше укреплять в сознании широчайших масс идею, что их социальные, демократические и национальные интересы только в социалистическом руководстве могут найти свое удовлетворение. Эта идея становится доминирующей в сознании трудящихся масс Франции. Перелом в развитии международной жизни наступит тогда, когда она овладеет сознанием масс и всех других стран. Только социализм может остановить фашистскую лавину.

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ**

Новая бойня в Москве

У последней черты

Я пишу эту статью, когда московский «процесс 21» далеко еще не закончился. Я не знаю поэтому, сколькими еще трупами сочтет Сталин нужным подпереть шаткий трон своего единодержавия. Но, если бы даже случилось «чудо», и пьяный от крови кремлевский деспот решил «даровать жизнь» всем своим жертвам, вздернутым на моральные дыбы нового «процесса», это ничего не могло бы изменить в отношении нашем к новому акту сталинской инквизиции. Надо было бы с удесытеренной силой повторить все слова презрения, негодования, возмущения, сказанные по поводу предыдущих «процессов», чтобы хоть в отдаленной степени выразить те чувства, которые вызывает в нас новая позорная трагикомедия, авторами которой являются Сталин и Ежов, режиссерами ренегат Вышинский и на все готовый Ульрих, а жертвами последние видные представители старого большевизма, искусно «амальгамированные» с людьми подозрительно головокружительных карьер и с далекими от всякой политики врачами. Ибо эта новая трагикомедия еще бесконечно омерзительнее, чем все предыдущие.

Она омерзительнее потому, что новый процесс слишком уж явственно носит характер простой «охоты за черепами» — за старо-большевистскими черепами, за черепами всех, кто так или иначе служил революции, которую Сталин теперь хоронит: еще не закончилась бойня тех, кто сейчас сидит на скамье подсудимых, а обвинительный акт уже выстраивает в очередь новые «старо-большевистские» жертвы, на этот раз амальгамированные с былыми соучастниками большевиков по советской диктатуре — левыми эсерами.

Она омерзительнее потому, что Сталин уже не довольствуется изображением своих большевистских противников, как людей, дошедших до последних пределов падения в борьбе с ним, гениальным и мудрым «вождем народов». Нет, выволакиваются старые, давно в самой советской прессе рассказанные перипетии внутри-большевистской борьбы 1917-18 и позднейших годов, перетряхиваются эпизоды до-революционного и военного времени, чтобы «доказать», что все сплошь вожди старого большевизма, уже расстрелянные и еще не дострелянные, испокон веку были, если не шпионами царской охранки, то, по крайней мере, платными агентами контр-разведок всего мира; что все революционные подвиги, прославившие их имена больше, чем бандитские экспроприации прославили имя Сталина, и прославленные в бесчисленных миллионах советских газет, журналов, листовок, брошюр, книг, учебников и справочников, ныне спешно изымаемых из обращения, — что все эти подвиги на самом деле были лишь оплаченными чистоганом деяниями германских, английских, японских, польских шпионов; что таким образом вся большевистская революция состряпана в сущности иностранными контр-разведками, и потому, хороня эту революцию, Сталин наносит на деле «сокрушительный удар» фашистским и не-фашистским «поджигателям войны».

Она омерзительнее, наконец, потому, что садистская извращенность фантазии авторов этой новой трагикомедии достигает поистине предела, когда они изобретают гнусную басню о врачах, убивающих своих пациентов, в число которых попадает неожиданно и Менжин-

ский, сейчас, на потребу готовящегося убийства подсудимых, превращаемый в одну из великих и светлых личностей, сосредоточивших на себе неумную злобу «врагов народа», но еще месяц тому назад не удостоенный даже простого упоминания по случаю «юбилея» Чека-ГПУ, во главе которой он достаточно долго стоял!

Но, если новый процесс омерзительнее всех предыдущих, то он и преступнее их: достаточно вспомнить тот исторический момент, в который Сталин и Ежов решили предъявить его миру! Невозможно было выдумать лучшего подарка Гитлеру, Муссолини, японской военщине, всем тем, кто как раз теперь пытается выключить Советский Союз из «концерта» мировых держав и за его счет разрешить все раздражающие империалистический мир антагонизмы! Невозможно было оказать большей поддержки тому крылу английского консерватизма, которое как раз теперь проектирует резкий поворот английской политики в сторону сговора с фашистскими агрессорами! Невозможно было нанести более сильного удара тем, кто как раз теперь отчаянно борется во Франции за сохранение франко-советского пакта!

Приходится повторить то, что мы не раз уже говорили: если слова предательство, измена и т. п. имеют какой-либо смысл, то настоящими исполнителями пожеланий всех фашистских контр-разведок, а потому настоящими предателями и изменниками являлись именно Сталин и его подручный Ежов. В момент величайшей военной опасности они обезоруживают страну, обезглавливают и дезорганизуют ее армию и ее хозяйство, изолируют ее от всех возможных союзников, морально отталкивают от нее международный рабочий класс и всем этим выдают ее на поток и разграбление ее фашистским врагам.

Сталин не может не знать и не понимать этого. И если он все-же творит безостановочно свое каиново дело и приносит в жертву своему единодержавию самые элементарные и очевидные интересы страны, во главе которой стоит, то это значит, что у него нет уже выбора и исхода, что его единодержавие действительно подошло к «последней черте», потому что каждое преступление, которое он совершал во имя этого единодержавия, автоматически влекло за собою все новые и новые преступления, каждое убийство — все новые и новые убийства: страх тирана и страх тех, кого он терроризирует, сплетаются в бесконечную кровавую карусель, которая уже не может остановиться раньше, чем Сталин не перебьет все ближайшее окружение свое, до последнего человека или, что гораздо вероятнее, чем это окружение, в припадке животного страха, не ликвидирует так или иначе деспота, тоже доведенного страхом до безумия и потому угрожающего не только благополучию, но и жизни каждого, кто попадает к нему на глаза.

В кроваво-грязной оболочке новых инквизиционных процессов перед нами разворачиваются как будто последние эпизоды той подспудной борьбы групп и клик, которая вот уже годы ведется на скрытых от взоров масс Кремлевских высотах в узком слое тех, кого история выдвинула двадцать, пятнадцать лет тому назад на руководящие посты в революции, и в которой, казалось, должны были быть решены политические

судьбы революции на ближайший исторический период. В этой борьбе Сталин готовится истребить последние остатки большевистской «старой гвардии», последних соратников Ленина, одержать последнюю и решительную победу над всеми врагами и супостатами. Но именно в момент, когда высшее торжество кажется так близким, Сталин как будто сам начинает шататься, и верные исполнители его велений начинают как будто терять веру в его победу.

Такое именно впечатление производит несомненная халатность режиссуры, отличающая «процесс 21» от всех предыдущих процессов. Процесс Бухарина, Рыкова и др. ведется как будто людьми, которые сами уже не очень то уверены в пользе и в успехе того дела, которое они делают. Ни на одном из предыдущих процессов не было таких скандальных для режиссуры эпизодов, как выступления Крестинского, Раковского, Рыкова, Бухарина и даже Ягоды, недвусмысленно заявлявших о лжи всех или части показаний, вымученных у них на предварительном следствии и повторяемых ими и на суде: очевидно, к предыдущим процессам жертвы «готовились» гораздо тщательнее, чем к нынешнему!

Пусть палачам Сталина удастся, в конце концов, справиться с «бунтом» подсудимых. То и дело раздающиеся в зале суда крики возмущенной совести не становятся от того не бывшими. И особенно после выступлений Бухарина ни у кого из беспристрастных наблюдателей московской драмы не может остаться ни малейшего сомнения в том, что все эти шпионства, предательства, измены, отравления и убийства сознательно придуманы и навешены на процесс, чтобы скрыть тот простой факт, что Сталин хочет убить людей, борющихся против его политики, людей, которым он же грубым насилием закрыл все пути советской легальности для отстаивания своих взглядов, людей, которые, как и он сам, в долголетней практике террористической диктатуры потеряли всякий контакт с организованным и свободным движением масс и которые поэтому, зажатые самим Сталиным в тиски нелегальности, не находят для своей политической мысли других путей, кроме путей «дворцового переворота». И то, что навешенная на эти простые факты ложь процесса так ярко и неопровержимо вскрылась на суде, это, повторяю, заставляет думать, что пропасть разверзается не только перед жертвами Сталина, но уже и перед самим Сталиным: в его дело перестают верить самые верные рабы его...

Похоже на то, что в ходе непрекращающейся бойни «старого большевизма» Сталин свернет, в конце концов, шею и самому себе. Похоже на то, что перед нами развертывается процесс самопожирания и исчезновения с исторической сцены всего «старого большевизма», сталинского и анти-сталинского, без остатка. Похоже на то, что действительным победителем и триумфатором окажется в конце концов то новое, «младое» поколение советской бюрократии, которое самим Сталиным выдвинуто на смену поколениям «старо-большевистским», которому чужды революционные традиции и социалистические идеалы, которое хочет лишь одного: обезопасить от капризов деспота, закрепить «твердыми нормами закона» и обеспечить и за своим потомством наследственное пользование тою «веселою и зажиточною жизнью», до которой оно дорвалось и в которой для него и заключается весь смысл грандиозной революции.

Именно этому, «сталинскому» племени суждено, по видимому, ликвидировать Сталина в порядке того «дворцового переворота», о котором «старый большевизм», вкусивший от марксистского древа познания добра и зла и потому разведенный революционной и социалистической рефлексией, мог, быть может, мечтать и да-

же говорить, но которого он не мог совершить. Именно из этого племени выдвинутся, по видимому, те, неизвестные еще, «избранники», которые закончат жалким контр-революционным финалом одну из величайших революций, когда-либо пережитых человечеством...

Какое роковое значение будет иметь такой финал для дальнейшего развития советской страны и для роли этой страны на международной арене, каким ударом будет он для всего мирового рабочего движения и каким подарком судьбы для мирового фашизма, — об этом вряд ли нужно еще раз говорить. И самое ужасное заключается в том, что этот роковой финал подготавливается при полной политической пассивности трудящихся масс Советского Союза, — пассивности, являющейся прямым плодом 20-летней преступной диктаторски-террористической политики, в которой одинаково повинны все фракции и группы большевизма. Массы пассивно, а иногда, быть может, и не без скрытого злорадства, присутствуют при бесславной гибели «старой гвардии» большевизма. И можно быть уверенным, что, когда наступит слушный час Сталина, они тоже пальцем о палец не ударят для его защиты. И в этом пассивном отношении масс к тем событиям величайшей важности, которые совершаются и подготавливаются в Советском Союзе, и заключается, повторяем, самая опасная сторона положения, к которой должно быть приковано внимание социализма и демократии.

Речь идет, конечно, не о том, чтобы мобилизовать трудящиеся массы на защиту Сталина: он давно уже потерял всякое право на такую защиту. Революции, демократии, социализму нечего с ним делать и нечего ждать от него: он для них враг, только враг, а его единодержавие лишь столбовая дорога контр-революции.

Нет, речь идет о том, чтобы заранее мобилизовать недоверие масс к тому «сталинскому» племени, которое грядет на смену Сталину, готовое осуществить и «упорядочить» подготавливаемую Сталиным контр-революцию. Речь идет о том, чтобы заранее мобилизовать вмешательство масс в ход политического кризиса, который начнется, вероятно, «дворцовым переворотом». Речь идет о том, чтобы заранее пытаться организовать их для предъявления определенных политических требований в этот критический момент и для занятия тех позиций, которые позволят им придать этим своим требованиям весь вес, нужный для того, чтобы сделать контр-революционный переворот лишь кратковременным эпизодом в ходе политического развития страны или, по крайней мере, на первых же порах ослабить размах контр-революции, ввести ее в наиболее узкие рамки, изолировать ее от влияния на массы и, наоборот, заложить основы борьбы масс с нею за демократию и социализм.

Само собою разумеется, что в современных советских условиях легче поставить эту задачу, чем ее разрешить. Но с тем большею настойчивостью должна работать мысль социалдемократии над ее разрешением. Ибо здесь ключ к спасению русской революции и к сохранению ее в качестве громадного и необходимого фактора победы мирового пролетариата в надвигающейся решительной борьбе его с мировым фашизмом. Здесь ключ и к возрождению самой российской социалдемократии, как массовой партии советского пролетариата, как законной представительницы и руководительницы трудящихся масс Советского Союза. И потому, чем труднее найти в советской действительности пути к исторически столь необходимой мобилизации и организации трудящихся масс, тем с большей настойчивостью, серьезностью, пытливостью должны искать этих путей все, кому дорого дело социализма и демо-

кратии. Их поиски — самый основной и жизненный, можно сказать — единственно жизненный вопрос российской социалдемократии в ту критическую эпоху, которую переживает русская революция.

Процесс 21 еще больше, чем его предшественники, напоминает об этой критической эпохе, о том, что режим сталинской диктатуры действительно приближается к «последней черте», что решающий кризис — не должен, конечно, но может наступить действительно «со дня на день». Мы должны поэтому сделать все для защиты и спасения жертв сталинского террора. Мы должны сделать все, чтобы вскрыть перед советскими и международными трудящимися массами контр-революционный характер сталинского единодержавия и убедить их, что лишь против сталинской диктатуры, лишь в борьбе с нею можно спасти русскую революцию и защищать революционно-социалистические интересы международного пролетариата против фашизма. Но было бы громадной, преступной ошибкой забыть, что все это — лишь одна и, так сказать, отрицательная сторона задачи, выдвигаемой перед социалдемократией той кровавой трагедией, в которую облекается политический кризис завершительной фазы русской революции.

За этой отрицательной задачей стоит другая, еще более важная — положительная, которую социалдемократия не имеет права забывать, ибо к ней она готовилась за все 20 лет своего подсоветского существования, ибо в ней был весь смысл и все оправдание той борьбы за идейное и организационное самосохранение, которую наша партия вела и с успехом провела за эти два десятилетия. И эта задача состоит именно в напряжении всех своих сил для мобилизации масс во имя осуществления той программы демократического завершения великой русской революции, которая была хартией социалдемократии за все годы советского режима. Разъяснять русскому и международному пролетариату значение этой программы, звать все силы русского и международного социализма к борьбе за ее осуществление и использованию всех средств и путей для этой борьбы, ежеминутно напоминать себе и другим, что только в организованной самостоятельности масс спасение, — вот в чем состоит основная задача социалдемократии, о которой еще и еще раз напоминают ей кровавые московские процессы.

Победит ли социалдемократия в этой борьбе, — это зависит от сочетания тысячи факторов, над которыми она не властна. Но над чем она властна, — так это над собственной волей к борьбе. И поражение в борьбе может обернуться громадным историческим прогрессом. А каждый самонадеявшийся успех этой борьбы за мобилизацию и организацию масс будет самым сильным ударом, какой только может быть нанесен сталинскому единодержавию и сталинской контр-революции, самым внушительным и действенным ответом, какой только может быть дан на сталинские преступления перед революцией и социализмом, среди которых подготавливаемая ныне новая бойня является одним из самых подлых и гнусных!

Ф. Дан.

**ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ,
ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

Международное значение московского процесса

В данный момент еще невозможно во всем объеме и во всех отдельных разветвлениях обозреть то катастрофическое значение, какое последний московский процесс имел в обоих международных аспектах — как под углом зрения Сов. Союза как государства, так и под специальным углом зрения взаимоотношений между русской революцией и международным рабочим движением. Но одно ясно уже сейчас: более ужасного удара международному престижу Советского Союза и делу международного социализма, чем нанесли Сталин и Ежов, не мог бы нанести самый злейший враг.

В «процессе 21», как и в предыдущих процессах, совместными усилиями прокуратуры и обвиняемых была нарисована яркая картина адских злодеяний, якобы задуманных, а отчасти и выполненных, международным фашизмом и капитализмом против «пролетарской революции» в России. Тут и шпионаж, и диверсанство, и организация железно-дорожных крушений, и засорение масла гвоздями и стеклом, и саботаж на фабриках, и отравления, и покушения и многое другое. Нам сдается, что если-бы где нибудь действительно заседал Генеральный Совет Международного Фашизма для выработки плана вредительства по отношению к СССР, то участники этого совещания только снисходительно улыбнулись бы ограниченности и чисто-детской примитивности фантазии ГПУ. Ибо имеется бесконечно более действительный, бесконечно более рафинированный, и прежде всего неизмеримо более эффективный способ нанести русской революции и всей стране поистине непоправимый удар. Это — заставить советскую юстицию публично, перед лицом всего мира, признать, что во главе Красной Армии с самого ее основания и до настоящего дня стояли иностранные шпионы, продажные агенты и бессовестные негодяи; что советский флот до самого последнего момента находился под непосредственным командованием иностранных агентов и диверсантов; что во главе Совнаркома СССР в течение долгих лет стояли опять-таки иностранные шпионы, жалкие наемники капиталистических стран, предатели, отравители и убийцы; что главные теоретики, возглавители и руководители ВКП(б) этого станового хребта и революции, и страны, и всего мирового коммунизма, главные редакторы «Известий» и «Правды», председатели Коминтерна и основные докладчики на всех его конгрессах с первого момента были люди без принципов и убеждений, шпионы и провокаторы, убежденные поклонники капитализма и фашизма, платные или бесплатные агенты международного капитала; что полномочные послы СССР во всех капиталистических странах неизменно поступали на службу в контр-разведке означенных стран и продавали свое социалистическое отечество по чрезвычайно низкой цене; что, наконец, и сама октябрьская революция, это лучезарное солнце мировой пролетарской революции, была сделана руками германских японских или австрийских шпионов (Раковский, Бухарин, Троцкий и др.), что Зимний Дворец был взят человеком, ныне обвиняемым в столь же позорных преступлениях (Антонов - Овсеев), что укрепляли и углубляли октябрьскую революцию и ее политические и экономические завоевания агенты охранного отделения, воры и шпионы (Зеленский, Ягодный и др.), что проводили коллективизацию германские шпионы (Чернов), и что все руководство партии, администрации, Красной Армии и даже самого ГПУ насквозь пронизано, сверху до низу, как показывают бес-

численные публичные и непубличные процессы, провокаторами, иностранными шпионами, диверсантами и наемниками международного капитала. И это на 21-ом году «великой пролетарской революции», — «в основном» установившей уже в России социалистический строй!

Всякий беспристрастный человек должен будет согласиться, что такого рода систематическое и публичное дискредитирование СССР и русской революции бесконечно больше ее ослабляет на международной арене, чем все действительные и вымышленные злодеяния действительных или вымышленных диверсантов и шпионов.

Совершенно ясно, что если бы на том гипотетическом Верховном Совете мирового фашизма, о котором мы раньше говорили, были предложены на выбор эти два метода борьбы против СССР, — метод, к которому по уверению Вышинских и Ульрихов прибегали обвиняемые, или метод, который применяют Сталин и Ежов, то Верховный Совет безусловно высказался бы за метод Сталина.

Мы не собираемся здесь серьезно выдвигать чудовищную гипотезу о сотрудничестве Сталина с Гитлером, мы можем только констатировать, что Сталин действует так, как мог бы и должен был бы действовать человек, выполняющий задания мирового фашизма.

Нужны ли еще доказательства? В момент австрийских событий СССР «отсутствует» из-за бухаринского процесса; развитие мировой политики совершается за последние месяцы так, как будто бы никакой России не было на свете; как будто бы с карты Европы и Азии исчезло могущественное государство, носящее гордое название «СССР». Россия в международной политике скінута со счетов, она превратилась в *quantité négligeable*. Она изолирована в такой степени, в какой этого никогда еще не было со времени Рапальского договора. Ее дипломатия больше не существует для Европы; ее удельный политический вес никак не влияет на развитие событий; ее мнением никто не интересуется. Сталин создал для России состояние полной морально-политической самоблокады, которая, конечно, ни к чему иному, кроме международной катастрофы для России, привести не может. Безвозвратно отошли в прошлое те времена, когда в мире (в капиталистическом мире!) восхищались мощью и блеском Красной Армии; когда преклонялись перед могуществом ее замечательной авиации (построенной, как на поверку оказалось, тоже вредителем); когда восторгались искусством ее дипломатии. Россия превратилась в «бедную родственницу», с которой неловко раскланиваться на улице; которую по надобности принимают с заднего крыльца, и уже только в самом крайнем случае; о союзе с которой говорят в тех же тонах печальной, но, к сожалению, неизбежной необходимости, как в свое время говаривали о союзе с царской Россией!..

Таков — для страны — печальный баланс проделанной Сталиным и Ежовым вредительской работы, — работы, проведенной так, как если бы она была заказана Верховным Фашистским Советом.

Ибо что иное могли бы пожелать для себя фашистские страны, подготовляющие военное нападение на Россию с ее гигантскими естественными богатствами, давно уже привлекающими аппетиты некоторых стран?!

В не меньшем соответствии с планами и пожеланиями мирового фашизма и капитализма оказывается деятельность Сталина-Ежова и в области взаимоотношений между русской революцией и международным пролетариатом.

Большевистская революция с первого же момента своего существования играла в мировом рабочем движении внутренне-противоречивую, двойственную роль. С одной стороны, она самым фактом своего существования, — фактом прихода к власти в гигантской стране партии, вышедшей из пролетариата и проникнутой пролетарской идеологией, — необычайно стимулировала у значительной части мирового пролетариата революционные чаяния, надежды и настроения. Но террористические методы большевистской революции, поднятая ею братоубийственная война внутри самих трудящихся с первого же момента оттолкнули от нее не только в России, но и во всех странах мира широкие слои организованного и воспитанного на идеях демократического самоуправления пролетариата, и, в частности, сильно парализовали наступательную энергию германского и австрийского пролетариата. Революционный энтузиазм разбуженных войной и послевоенными революциями западно-европейских масс стихийно толкал их в сторону большевизма и коммунизма. Началось победное шествие коммунизма по всем странам Европы и Америки. Но в этот момент наивысшего подъема престижа большевистской революции, Коминтерн своей тактикой раскола, коррумпирования, внесения демагогии и розни в ряды рабочего класса восстановил против себя основные массы организованного пролетариата и свел к ничтожеству новообразовавшиеся компартии Европы и Америки. Так, революция, которая должна была бы сделаться гигантским источником революционного энтузиазма, неисчерпаемым резервуаром сил для мирового революционного социализма, — на самом деле стала основным фактором ослабления, дезорганизации, разложения пролетариата, и в целом ряде стран вел его от поражения к поражению. Наступила полоса коммунистического упадка в Европе, особенно усилившаяся в эпоху Нэпа и временной капитуляции большевизма перед силами внутри-русского крестьянского и мещанского капитализма. Но эпоха пятилеток и поразившей внимание всего мира коллективизации ста миллионов крестьян — собственников совпала в Европе с эпохой мирового кризиса, разочарования в буржуазной демократии и побед фашизма. Звезда большевизма снова высоко поднялась на горизонте мирового пролетариата; престиж советской революции вырос в еще небывалой степени. Пролетарское государство, шествующее от победы к победе, уничтожившее в стране безработицу, овладевшее всем могуществом современной техники, ассимилировавшее мелко-буржуазное крестьянство и превратившее его в активный элемент коллективистского строительства, — это государство начало становиться прообразом социализма; этому государству прощались все изъятия, недостатки и даже преступления, как прощаются молодому Титану детские болезни и грехи молодости. В глазах подавляемых или угрожаемых фашизмом масс Центральной и Западной Европы, СССР начал становиться подлинным «отечеством всех трудящихся», лучезарным видением строящегося социалистического общества, огненным столпом, ведущим человечество через пустыни капитализма и фашизма. Советский большевизм переживал в Европе свою вторую весну. Его престиж достиг своего апогея, когда, под влиянием внешне-политической необходимости и дипломатических соображений, большевистский коммунизм взял на себя благодарную роль объединителя и миротворца, и в ряде стран стал инициатором единого и народного фронта, а в Испании выступил в роли единственного покровителя и защитника покинутой западно-европейской демократией народной демократической революции.

Австрийские шутцбюндлеры; жертвы гитлеровских концлагерей; все угнетаемые фашизмом или полу-фа-

шизмом в странах всего мира рвались в Сов. Россию, в это чудесное государство трудящихся. В Испании крестьянские хаты разукрасились портретами Сталина. Для значительных слоев не только коммунистических, но и социалистических слоев рабочих и интеллигентов, Советский Союз стал естественным противовесом гитлеровскому фашизму, оплотом и надеждой в борьбе за демократию и социализм. Чудесное рождение подлинной социальной демократии из большевистской партийной диктатуры для многих, даже критически мыслящих социалистов, становилось исторической реальностью. Красная Армия делалась становой хребтом мировой демократии и мировой пролетарской революции в борьбе против мирового фашизма.

И вот в этот момент наивысшего апогея престижа и идеологического влияния большевистской революции и советской диктатуры, необъяснимо и непонятно для всех начался пароксизм самого ужасного и жестокого терроризма, наступала длительная полоса массовых расстрелов и «процессов». С недоуменным страхом, а потом все больше с чувством отвращения и ужаса, мировой пролетариат наблюдал чудовищное, непостижимое, необъяснимое для него зрелище.

Бесконечной чередой, один за другим выступали на этих процессах соратники Ленина, творцы октябрьской революции, создатели советской республики, председатели и генеральные секретари Коминтерна, наиболее видные теоретики русского и мирового коммунизма, красные маршалы, генералы и адмиралы, отцы пятилетки и коллективизации, председатели Совнаркома, «президенты» советских республик, полномочные послы, народные комиссары, генеральные секретари ВКП и т. д., и т. п., и с каким то иступленным усердием признавались в самых чудовищных, самых непостижимых, самых извращенных преступлениях против революции, рабочего класса и советской страны! Но шпионами, предателями, диверсантами, контр-революционерами и врагами рабочего класса оказалась не только почти вся, за редкими исключениями, старая гвардия большевизма, выросшая на подпольной работе в эпоху царизма, — не меньшее перерождение испытало, если верить обвинительным актам и признаниям самих обвиняемых, и все то молодое поколение, которое выросло уже за период советской революции и которое воспиталось целиком под влиянием Сталина. Уже это одно должно было внести невероятное смущение в умы европейского пролетариата. В каждой революции бывали предатели и изменники, в каждой армии бывают иностранные шпионы, в каждом чиновничьем аппарате бывают взяточники, — но нигде и никогда в мире не было, чтобы вся руководящая верхушка победившей революционной партии оказалась сплошь состоящей из изменников, предателей и контр-революционеров. Ни в какой армии мира не было случая, чтобы ее создатели, творцы и главные руководители поголовно оказывались иностранными шпионами, предателями и диверсантами. Ни в одном правительстве в мире не было случая, чтобы министры чуть-ли не целыми составами министерств оказывались продажными саботажниками, предателями и вредителями. Когда Кашен в своей жалкой и увертливой полемике с «Попюлэр» пытался сослаться на то, что во Франции-де оказались же Дорио и Лаваль, то Северак в «Попюлэр» совершенно резонно ответил ему, что эта параллель была бы верна только в том случае, если-бы во Франции вместо 2-3 Дорио на много тысяч высших функционеров коммунистической или социалистической партии, оказалось бы, наоборот, 2-3 праведника среди тысяч предателей, перебежчиков или ренегатов. Но если этого нет ни во Франции ни в какой либо иной буржуазной стране, где могущественный капитализм имеет столько

непосредственных возможностей коррумпирования и развращения рабочих вождей, — то каким образом, — спрашивается, — столь далеко идущее буржуазное и даже фашистско-контр-революционное перерождение и деморализация могли охватить чуть ли не всю верхушку пролетарского государства, в котором капиталистические классы уничтожены, и победоносный пролетариат строит новую «счастливую и веселую жизнь»?

К этим общим соображениям, которые заставили всех мыслящих людей в Европе усомниться в правдоподобности и обвинения и самих признаний, прибавились те конкретные «промахи» и «прорывы» в работе ГПУ, которые в каждом процессе давали миру неоспоримое документальное доказательство лживости по крайней мере части тех «чистосердечных признаний», которые делались обвиняемыми. (Свидание Седова с Гольцманом в несуществующей гостинице Копенгагена; пресловутый полет Пятакова на аэроплане в Осло, — в прежних процессах, или — в последнем процессе — целевая клевета на тов. Дана, единодушно встреченная всем общественным мнением Европы с негодованием и смехом; росказни про Магдалену Паз, Росмера и т. п.). Но если обвиняемые на самом деле невиновны, если они взводят на себя поклепы и самым очевидным образом лгут, — то что же надо думать о том режиме, который какими-то непонятными, темными, таинственными путями заставляет обвиняемых признаваться в несуществующих преступлениях и вынуждает честных революционеров «добровольно» объявлять себя предателями, шпионами и контр-революционерами?! Это положение с предельной четкостью формулировал в одной из своих статей парижский «Попюлэр». Мировой пролетариат, — пишет газета, — поставлен перед трагической альтернативой: если обвиняемые действительно повинны в приписываемых им преступлениях, то что же думать о строе, который систематически порождает такого рода разложение руководящих кругов государства рабочей партии? Очевидно этот строй страдает каким-то органическим внутренним пороком и гниет на корню. И тогда это — приговор большевистской диктатуре. Или же — обвиняемые возводят на себя небылицы, они невиновны, они честные революционеры. Что же тогда думать о правительстве, которое инсценирует фальшивые процессы, которое сажает на скамью подсудимых ни в чем неповинных людей, которое истребляет во имя диктатуры одного лица всех лучших людей революции? Если такое правительство воцарилось в России и если оно может безнаказанно проводить такую политику, то это опять-таки неопровержимо свидетельствует о глубоком падении и перерождении большевистской диктатуры. И при том и при другом варианте большевизм оказывается банкротом. А между тем, «процессы» никакой третьей версии не допускают.

Революционно - настроенные и даже сравнительно умеренные круги рабочего класса и интеллигенции в ряде европейских стран, в особенности во Франции, где еще сильны традиции Великой Революции, сравнительно терпимо и снисходительно относятся к террористическим актам, совершаемым во имя революции и во время революционных боев. Но реки крови, проливаемые 20 лет спустя после победоносного прихода к власти; но горы трупов, нагромождаемые в период, — как власть уверяет, — необычайного экономического и социального расцвета; но жертвы, падающие тысячами не из среды побежденных контр-революционных классов, а из среды лучших людей революции, имена которых не только для друзей, но и для врагов рабочего класса, стали синонимом революции, пусть утопической, но все же пролетарской по своему устремлению; но ложь и обман, пытки и клевета, возведен-

ные в систему управления, — с этим не может примириться и самая радикальная и революционная часть европейского общества.

С небывалым еще единодушием вся решительно левая, социалистическая и либеральная, печать всего мира, за исключением казенных коммунистических органов, осудила последний процесс, как сплетение лжи и клеветы, как исторический подлог, как преступление против всех законов пролетарской морали, как осквернение социалистической чести, — но прежде всего — как сокрушительный удар по всему мировому социализму. Все без исключения политические группировки, кроме официальных секций Коминтерна, все социалистические и общественные организации, даже те, которые до сих пор явно склонялись на сторону большевизма, и уж во всяком случае никогда не решались выступать даже против самых ярких актов большевистского террора, — ныне единым фронтом выступили против совершаемого Сталиным преступления.

В тот момент, когда пишутся эти строки, еще неизвестна окончательно судьба 18 приговоренных к смертной казни. Если советское правительство воспользуется своим правом помилования и не приведет в исполнение кровавый приговор, оно этой уступкой общественному мнению Европы, может быть, несколько смягчит остроту протеста. Но разрушенного этим уже не воссоздашь. Разрушены и похоронены международный престиж большевизма, но, что еще гораздо важнее — международная честь страны. Разрушены и уничтожены те моральные и психологические предпосылки для сближения и единства действий, которые назревали было в полосе, предшествовавшую «процессам». И это в момент, когда на чашку весов истории гитлеровским фашизмом брошены судьбы не только Центральной Европы, но и того же Советского Союза, а с ним вместе и всего мира. Как глубока и неизлечима должна быть рана, которая заставляет сталинскую диктатуру метаться в таких бешеных и бессмысленных судорогах!

Р. Абрамович.

Международные отклики на процесс

ТЕЛЕГРАММА РСИ И МФПС.

Собравшиеся 3 марта в Брюсселе председатели и секретари РСИ и МФПС постановили послать советскому правительству следующую телеграмму:

Когда в августе 1936 года стало известно о процессе против Зиновьева, первого председателя Коммунистического Интернационала, мы обратились к советскому правительству с предложением обеспечить справедливое и беспристрастное отношение к обвиняемым, хотя эти обвиняемые и проявляли всегда резкую враждебность по отношению к нашему движению.

Вопреки нашему обращению Зиновьев и его 15 со-обвиняемых были расстреляны после процесса, правосудность приговора которого возбуждает сильнейшие сомнения в мировом общественном мнении.

Процесс Радека несколько не изменил этого впечатления, а с тех пор сотни людей были расстреляны без гласного суда.

Сегодня, накануне процесса против Бухарина, преемника Зиновьева на посту председателя Коминтерна; Рыкова, бывшего главы советского правительства; Раковского, бывшего советского посла в Лондоне и Париже, — мы снова считаем своим долгом обратить внимание советского правительства на тот вред, который наносят делу рабочих всего мира эти процессы и казни.

Мы не хотим высказывать сейчас своего мнения об основательности или неосновательности обвинений, какими бы фантастическими они ни казались. Но мы не можем смотреть без тревоги на поведение официальной советской печати, осуждающей всех подсудимых без различия еще до того, как представлены какие бы то ни было доказательства их вины. Такое поведение представляется нам совершенно

противоречащим элементарным принципам правосудия и способным создать атмосферу, вредную для беспристрастного ведения процесса.

За МФПС: Вальтер Ситрин, председатель; Схевенельс, секретарь.

За РСИ: Де-Брукер, председатель; Адлер, секретарь.

СОВЕТ БЕЛЬГИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

В заседании своем от 3 марта Совет Бельгийской Рабочей Партии единогласно постановил отправить Сталину в Москву следующую телеграмму:

«Заседающий 3 марта 1938 г. в Брюсселе Совет Бельгийской Рабочей Партии, глубоко возмущенный новыми процессами, начатыми в Москве, протестует против поведения официальной печати Советского Союза, осуждающей всех подсудимых без разбора еще до того, как представлены какие-либо доказательства их виновности».

К ОКЛЕВЕТАНИЮ Ф. И. ДАНА

5 марта т. Ф. Адлер, секретарь РСИ, обратился к Ф. Дану с следующим гласным письмом:

Дорогой друг, когда мы отправляли во вторник свою телеграмму протеста советскому правительству, никто из нас и подозревать не мог, что такой близкий друг, как Вы, тоже окажется втянутым в «амальгаму», изготовляемую для каждого московского процесса. Выдвигаемые против Вас обвинения так смехотворны и так не вяжутся с действительностью, что не только у меня, связанного с Вами теснейшей дружбой и знакомого во всех деталях с Вашей политической и личной жизнью, но и у всех членов Исполкома РСИ, лично знавших Вас на совместной работе за 15 лет существования РСИ, гнусная клевета вызвала лишь чувство глубокого возмущения. Но этот маленький отрезок великой трагедии, разыгрывающейся в Москве, типичен для беззастенчивых методов сталинской юриспруденции.

Подсудимый Чернов, еще в 1934 году назначенный Сталиным на пост Народного Комиссара Земледелия, утверждает, что лет девять тому назад он слышал от одного полицейского офицера в берлинском полицейском управлении, куда был доставлен в состоянии опьянения, что управлению этому досконально известны разговоры, которые он вел с Ф. Даном. Отсюда он «сделал вывод», что Дан должен находиться в связи с германской разведкой, и дальнейший «вывод», что он и сам должен стать германским шпионом. Это «сознание» подсудимого Чернова является тем единственным «доказательством», на котором строится гнусная клевета, будто Дан находится в связи с германской разведкой! Вы уже констатировали, что никогда не имели никаких дел ни с одним из двух упомянутых лиц, ни с Черновым, ни с полицейским комиссаром Обергаузом, имя которого Вы впервые узнали из обвинительного акта. Но весь этот навет, внезапно пущенный в ход из Москвы, так явно несостоятелен, что поистине не заслуживает даже опровержения.

Но этот случай является в своем роде классическим для кое-каких приемов позорной московской юстиции. С одной стороны, подсудимых обвиняют на московских процессах в самых отвратительных преступлениях, изображают их прямо-таки какими-то выродками человечества; а с другой стороны, тех-же подсудимых выставляют перед всем миром как неких столпов и свидетелей истины не только тогда, когда они обвиняют самих себя, но и тогда, когда они выполняют обязанности клеветников по назначению против других.

В мартовском процессе 1931 года оклеветали по этому методу т. Абрамовича, пустив в ход сказку о его поездке в Россию, лживость которой была впоследствии так неопровержимо доказана. Теперь пытаются применить тот же метод против Вас, только еще для более гнусного и в то же время более бессмысленного навета.

Вы стояли за последние годы в первом ряду тех товарищей, которые боролись за единый фронт во Франции и в международном масштабе. Из всех наших друзей, проникнутых той-же идеей политической необходимости, диктуемой историческим моментом, именно Вам пришлось в этом случае совершить акт наиболее высокой моральной ценности, потому что по отношению к товарищам Вашей партии, РСДРП, большевики повинны в куда более тяжких преступлениях, чем по отношению к какой-бы то ни было другой социалистической партии. Я слишком хорошо знаю Вас, чтобы допустить хоть на минуту мысль, что жалкая низость, высиженная в Москве, может хоть в малейшей степени повлиять на Вашу политическую линию. Вы прожили с непоколебимым мужеством годы сибирской ссылки при царизме и еще несравненно горшие годы эмиграции при большевист-

ской диктатуре, и можете пройти мимо аляповатой клеветы, направленной против Вас, с Дантовскими словами, которые наш учитель сделал своим девизом: «иди своим путем, и предоставь людям говорить, что им угодно!»

Вы выросли в атмосфере высочайшей социалистической морали, олицетворявшейся в Павле Аксельроде, и поставили себе целью охранять и довести до победы великое наследие Ю. Мартова, его концепцию революционного интернационализма. Никогда еще нашему идеалу не грозила такая великая опасность, как сейчас, когда фашистские преступники переходят в наступление и, к сожалению, имеют возможность так широко использовать в своих целях те гнусности, которые совершает утвердившаяся в Москве диктатура одержимых. В это тяжелое время рабочему классу нужны люди совета, столь твердо стоящие на почве истории и традиций социалистического движения, как Вы, и все мы, считающие за честь быть в числе Ваших друзей, надеемся, что Вы сможете еще долго и с неумаленной силой работать вместе с нами.

С сердечной дружбой Ваш Ф. Адлер.

Л. Де-Брукер, председатель РСИ, сопроводил это послание г. Ф. Адлера следующим письмом Ф. Дану:

Дорогой друг, наш друг Адлер только что прочел мне трогательное письмо, которое он посылает Вам. Я хочу присоединиться к нему, чтобы сказать Вам, какое уважение питаем к Вам мы все в Интернационале. Клевета, жертвой которой Вы стали и в которой гнусность соперничает с нелепостью, лишь усилил, если это еще возможно, эти чувства уважения и дружбы.

Искренне преданный Вам Л. Де-Брукер.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЗАГР. ДЕЛ. РСДРП.

Стремясь спасти личное самовластие Сталина, советская юстиция не только усердно топчет в море грязи и лжи честь большевизма и, — что гораздо важнее, — международный престиж страны, — она пытается также одним краем замарать и нашу партию, заставляя несчастного Чернова повторять продиктованное ему чудовищное измышление об известной ему будто бы связи тов. Ф. И. Дана с германской контр-разведкой.

Ф. И. Дан уже заявил, что никогда в жизни не встречал названного Чернова. Слово тов. Дана не нуждается в подтверждении. Но мы не можем пропустить без самого энергичного и возмущенного протеста гнусное оскорбление, нанесенное председателю нашей партии, человеку, который более 40 лет своей жизни отдал на беззаветное служение делу рабочего класса России.

Мы полностью солидаризируемся с нашим тов. и другом Ф. И. Даном, выражаем ему чувство наше глубочайшего уважения и безграничного доверия.

Париж, 4 марта 1938 г.

ЗД РСДРП.

Секретарь: А. Югов.

ЗД РСДРП констатирует, что в противоречии со своими «признаниями» на суде, А. Рыков, бывший Председатель Совнаркома СССР никогда ни прямо, ни через посредство третьих лиц не написал ни одной строчки для нашего органа, «Соц. естника». Он не мог быть также и сотрудником журнала «Меньшевик», по той простой причине, что орган под этим или сходным названием никогда в нашей партии не существовал.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ 10 МАРТА 1938 ГОДА 9-ОЙ СЕКЦИЕЙ ФРАНЦ. СОЦ. ПАРТИИ В ПАРИЖЕ.

Возмущенная отвратительной клеветой, выдвинутой на основании лживых показаний на происходящем в Москве «процессе 21», газетой «Юманите» и Франц. Компартией против тов. Ф. Дана, председателя ЗД РСДРП и члена Исполкома РСИ, — 9-ая секция Соц. партии на своем собрании 10 марта шлет тов. Дану свои самые горячие симпатии и выражение своих братских чувств.

СЕКРЕТАРИАТ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Секретариат Итальянской Социалистической Партии постановил выразить Ф. Дану, вождю русских меньшевиков, которого пытаются оклеветать обвиняемые и обвинители по Московскому процессу, чувства симпатии и солидарности всех итальянских социалистов («Нуово Аванти», 12 марта 1938).

ОТКЛИКИ ПЕЧАТИ НА ПРОЦЕСС

ЛЕОН БЛЮМ.

В «Попюлер» от 8 марта Леон Блюм поместил следующую передовую о московском процессе:

Это тяжело; я это знаю; я это чувствую. Но бывают обстоятельства, когда никто не имеет больше права молчать. Я выскажу поэтому свою мысль без обиняков.

Я верю в необходимость Народного Фронта во Франции. Я верю в необходимость или, лучше сказать, историческую неизбежность пролетарского единства. Я верю, что франко-советский пакт является одним из условий европейского равновесия, а потому и европейского мира. Я верю, что, пока существует ось Берлин-Рим-Токио, интересы мира требуют, сверх пакта между Францией и Советской Россией, еще сближения между Россией и великими англо-саксонскими демократиями: Англией и Соединенными Штатами.

И именно потому, что у меня имеется по всем этим вопросам твердое мнение и определенное убеждение, московский процесс удручает меня и способен довести меня почти до отчаяния.

Московский процесс наносит удар Народному Фронту. Он мешает объединительной работе. Он дает пищу кампании отечественной реакции против франко-советского пакта. Он создает в английской и американской демократиях течение общественного мнения, враждебное сближению с Советами. Он парализует, быть может надолго, те попытки посредничества и предательства, которые, по моему мнению, должна бы предпринять в интересах такого сближения Франция.

Наши товарищи-коммунисты скажут нам, да, впрочем, и говорят уже: это — ваша вина... Вы сами содействуете той эмоциональной реакции, последствий которой вы, по вашим словам, опасаетесь... Надо было поступать, как мы, объявить свою солидарность с советским правительством, клеймить, подобно нам, изменников, оправдывать, как мы, расправу с ними.

От нас требуют в этом случае невозможного. Мы не располагаем тем сортом веры, который исключает работу разума и издается над этой работой. Наш разум работает; он работает, можно сказать, помимо нашей воли. Мы можем верить лишь в то, что можем понять.

Наши товарищи-коммунисты скажут нам еще и уже говорят: но московский процесс протекает вполне нормально и правильно... Прения ведутся согласно конституции и законам... Перед лицом трибунала, не являющегося исключительным, и в гласных заседаниях обвинение смогло привести доказательства, которые все юристы мира считали всегда наиболее убедительными, — сознание самих подсудимых... Ставить под сомнение такие доказательства, не значит ли это свидетельствовать о враждебной предубежденности, влияющей на суждение, о классовой ненависти, о тайной симпатии к врагам советского режима?...

Но таким образом нас подводят к тому роковому вопросу, который Северак поставил вчера: «А что, если бы это было правдой?...» И сверх того нас подводят к тому ужасающему вопросу о признаниях, который мне, увы, пришлось уже трактовать на этом самом месте свыше шести лет тому назад. Я готов согласиться с любым объяснением. Я готов допустить, что, как мне пришлось слышать, согласие московских подсудимых на признания является для них чем то вроде последней жертвы, предельного самозаклания на алтаре Революции, — хотя эта героическая гипотеза и довольно плохо вяжется с предательством, шпионажем и продажностью. Но пусть будет так; все-же остается установленным, что люди, имена которых еще несколько месяцев тому назад фигурировали среди самых крупных в советской истории, сознались в совершении деяний, с реальностью которых не мирится наш разум и совершение которых, как и в предыдущих процессах, было по-просту материально невозможно, более того, лживость которых, — я имею право добавить это, — морально доказана для нас.

В самом деле: требовать от нас, чтобы мы верили их признаниям, значит требовать от нас, чтобы мы верили, что Магделена Пац лжет, уверяя, что она никогда не встречала Крестинского и не была с ним знакома, и что Дан лжет, утверждая, что он никогда не встречал и не знал ни Чернова, ни германского полицейского Обергауза. Но от нас нельзя тре-

бовать этого. Нет таких соображений, которые могли бы заставить меня считать моего друга Магделену Пац лгуней или моего друга Дана лжецом и шпионом. Никакие ссылки на интересы социалистического государства не могут мешать мне громко засвидетельствовать свою солидарность с ними. И, в особенности, когда я думаю о Дане, когда я окидываю взором величие и благородство его жизни, когда я восстанавливаю в своей памяти годы борьбы и жертв, которых я был свидетелем, когда я вспоминаю, что самое позорящее из обвинений брошено в него людьми, которые как никак его знают, мне трудно, вместе с солидарностью, не выразить громко и своего негодования.

Таковы чувства, которых я не могу подавить в себе. Я хорошо знаю, что завтра их будут эксплуатировать общие враги и Советов, и социализма. Но это не моя вина. Зачем же заставляют нас делать выбор между словом, которое становится опасностью, и молчанием, которое было бы позором?

ОТВЕТ Л. ДЕ-БРУКЭРА КОММУНИСТУ ШМЕРАЛЮ *).

Коммунистические органы, в частности брюссельский «Voix du Peuple», печатают длинную статью Шмерала, в которой очень много говорится обо мне, и в которой он ставит мне целую кучу вопросов.

Коротко говоря, Шмераль спрашивает меня, знал-ли я, что Дан и руководители Раб. Соц. Интернационала заключили соглашение с обвиняемым Черновым и его друзьями, с германской и японской полицией, с генеральными штабами фашистских стран для того, чтобы погубить Сов. Союз и развязать войну?

Нужно ли принимать в серьез подобного рода абсурдные вопросы? Некоторые друзья думают, что да. Хорошо: отвечаю:

Я ничего не знаю о «соглашениях». Тому много причин. Основная из этих причин та, что такого рода соглашения никогда не имели место, что никто их никогда не проектировал, и что никому из нас никогда не приходило в голову не только думать о них, но даже просто вообразить себе нечто подобное.

Если до процесса кто-либо может быть и счел бы еще возможным оскорбить нас предположением о нашей способности к подобного рода чудовищным деяниям, — то отчеты о заседаниях суда и сведения, которые поступают со всех сторон должны были бы его окончательно убедить в полной, я бы сказал, в идеальной лживости выдвигаемых обвинений.

Наконец, не неслыханно-ли, что в той самой статье, в которой Шмераль спокойно говорит обо мне и моих товарищах, как о людях, способных на все эти чудовищные вещи, он нам предлагает... совместные действия!

Совместные действия предполагают прежде всего совершенно иное, чем у Шмерала, представление о человеческом достоинстве и о самоуважении.

ЭМИЛЬ ВАНДЕРВЕЛЬДЕ пишет в брюссельском «Пэпль».

«Рабочие массы в Зап. Европе не могут не прийти в волнение, когда они видят, что большинство ветеранов октябрьской революции пачками посылаются на эшафот. Как могут коммунисты себе вообразить, что мы останемся равнодушными перед видом «показательных процессов», пятнающих Россию кровью? Весь Интернационал с чувством величайшего беспокойства следит за процессом в Москве. Если-бы на суде со всей очевидностью было установлено, что, за исключением Сталина, все руководящие деятели Сов. Союза являлись бандой предателей и шпионов, то что осталось бы то советской революции? Но вероятнее всего, что чистосердечные признания были исторгнуты у обвиняемых какими-то темными средствами и что они на самом деле вовсе не совершили тех ужасных преступлений, в которых их обвиняют. Спрашивается, какими методами такой человек, как Раковский, был превращен в ту жалкую и деморализованную человеческую развалину, какой он является на суде?»

«Berger Tagwacht», 3 марта 1938 г.:

Рассматривая сфабрикованный Сталиным-Ежовым «процесс», как один из этапов в борьбе Сталина против перерождающегося госаппарата, и вскрывая социальные и политические корни этой борьбы, газета заканчивает:

«Рабочее движение всего мира должно, и во имя русской революции, и во имя своих собственных интересов возвысить свой голос для единодушного крика отпора и протеста» (против совершаемого Сталиным злодеяния). «Если, в виду тех опустошений, которые каждый дальнейший московский процесс наносит как России, так и международному рабоче-

му движению, завтра и честные коммунистические рабочие присоединятся, хотя бы из чувства самосохранения, к этому протесту, то предостережение **всего** международного рабочего движения найдет сильный отклик и в Сов. Союзе».

«Het Volk», Амстердам, 5 марта 1938 г.

Пастор Нимеллер, которого гитлеровский суд за оппозицию к режиму приговорил к нескольким месяцам тюрьмы, не отделался бы так дешево, если-б его судили не в Берлине, а в Москве. «Мы были бы несправедливы к Гестапо, если-б захотели поставить его на одну доску с ГПУ».

Пражский «Социалдемократ», 3 марта 1938 г.

«Чем больше становится этих процессов, тем меньше им верят, тем сильнее делается убеждение, что мы имеем дело с цепью процессов, которые построены на сфабрикованных обвинениях, по которым обвиняемые дают свои показания под моральным террором, в которых выносятся наперед составленные сознательно-ложные приговоры»...

«Но если обвинение правильно, если все те, которые некогда стояли в первых рядах большевистской партии, действительно были такими негодьями и предателями... — то каким ужасным — единственным в своем роде! — образованием была вся эта партия!»

«Перед лицом нового, глубоко-потрясающего процесса-спектакля социалдемократия может лишь снова повторить то, что она уже сказала по поводу предыдущих процессов... Она может лишь снова выразить свое отвращение и свою скорбь, — отвращение против подобных, отвратительных методов расправы, скорбь по поводу того, что этими методами оскверняется социализм, этот самый чистый и возвышенный идеал человечества»...

«Lumière» — известный левый еженедельник Нар. Фронта в Париже пишет в номере от 11 марта 1938 г. в статье «Московский процесс глубоко волнует мировую совесть»:

«Признания не убеждают никого... Суд начался только тогда, когда «признания» уже были готовы. Отсюда следует предположить, что их исторгли у обвиняемых во время следствия, всегда очень продолжительного. Какими методами?»

«Организовали ли противники Сталина заговор против него? Не знаю. Возможно»... «Но если даже и допустить наличие заговора, то совершенно неприемлемым является утверждение, что все эти старые большевики были шпионами на службе у Германии, Польши, Японии». «Тем более, что относительно ряда утверждений, сделанных обвиняемыми, точно доказано, что они ложны. Раковский утверждает, что встретился в Москве с Бюром, но Бюро это отрицает. Социалист Дан представлен, как платный агент Германии; однако он честнейший человек в мире, самый чистый и преданный член партии... Магдалена Паз отрицает свою встречу с Крестинским в Берлине, последний же в этом «признается»...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО «СВОЕМУ» ДЕЛУ.

Печатаемые в настоящем номере обращения председателя и секретаря РСИ ко мне и отклики международно-социалистического общественного мнения на новый московский процесс, равно как письма, лично получаемые мною от видных деятелей Социалистического Интернационала, избавляют меня от необходимости «доказывать» гнусно-клеветнический характер того навета в сношениях с германской контр-разведкой, который брошен в меня одною из несчастных жертв сталинского террора, бывшим Наркомом Земледелия Черновым.

Тотчас-же, как стало известно показание Чернова, я разослал в ряд французских газет, поместивших сообщения об этом показании и сопроводивших его какими-либо своими комментариями, письма, в которых констатировал:

1. что никогда не знал никакого немецкого полковника Обергауза, на которого сослался Чернов, и вообще лишь из показания Чернова услышал в первый раз это имя;

2. что никогда и нигде не встречался с Черновым и совершенно его не знаю.

Эти письма мои, согласно французскому закону о печати, были напечатаны всеми газетами, в которые я их послал, в том числе и вечерней коммунистической

*) Шмераль считается очень ответственным представителем Исполкома Коминтерна. — Ред.

газетой «Сэ Суар». Не напечатала моего письма лишь «Юманитэ», которую я привлекаю за это к суду *).

Уже после рассылки моих писем я узнал из отчетов о процессе, что Чернов указал на т. Кибрика, как на то лицо, которое, проживая нелегально в Берлине с 1925 года, якобы свело его со мною в 1928 году сначала в курорте Кенигштейн, потом на своей берлинской квартире.

По этому поводу я должен сказать, что т. Кибрика я в глаза не видал по малой мере с 1919 года. Считаю вообще совершенно исключенной возможность проживания Кибрика в Берлине с 1925 года без того, чтобы об этом знал хоть кто-либо из живших в Берлине-же его меньшевистских друзей: ведь, в те далекие времена даже большевики, проживавшие за границей, имели еще право и возможность поддерживать личные отношения с меньшевиками! Между тем ни одному из берлинских меньшевиков о пребывании Кибрика в Германии никогда ничего не было известно, как неизвестно им и то, где теперь находится Кибрик и что с ним: несколько лет тому назад пронесся слух, что он умер в Советском Союзе. О нынешней судьбе Кибрика и на процессе ни сославшийся на него Чернов, ни прокурор не сочли нужным сказать что-либо.

Прибавлю, что избрать именно меня в качестве лица, стряпавшего «блок» меньшевиков с право-большевистской оппозицией, было особенно неумно со стороны режиссеров процесса: тем, кто следил за моею публицистической работой, хорошо известно, что именно я выступал вполне определенно против всякой «ставки» на какую-бы то ни было большевистскую оппозицию, и особенно — против «ставки» на правую оппозицию.

Не более умно было и приписывать мне подготовку германской «интервенции» против Советского Союза: как раз в том 1928 году, когда я будто бы занимался подготовкой этой интервенции, я в большом докладе, прочитанном на Брюссельском Международном Конгрессе, самым резким образом протестовал против всяких интервенционных попыток. А «военные тезисы», как составленные мною совместно с Отто Бауэром, так и принятые нашей Заграничной Делегацией, говорят достаточно ясно, что приписывать нашей партии и, в частности, мне «интервенционизм» может только политический дурак или политический гнусец.

Но стоит отметить самую дату — 1928 год, когда я будто бы сводил Чернова с германской контр-разведкой на предмет подготовки германской интервенции против Советского Союза. Ведь, это — тот самый год, в который, если верить «меньшевистскому» процессу 1931 года, т. Абрамович ездил в Москву, а я заседал в Берлине с Отто Бауэром, Гильфердингом и Леоном Блюмом на предмет подготовки интервенции — только не германской, а французской! Теперь ситуация изменилась, и, как видим, у Сталина по нужде не только закону, но и клевете перемена бывает!

Ф. Дан.

ЗАЯВЛЕНИЕ Ф. ДАНА И Б. НИКОЛАЕВСКОГО.

В ходе позорного московского процесса бывший председатель Совета Народных Комиссаров СССР заявил, что снабжал, через посредство нижеподписавшихся, корреспонденции Центральный Орган нашей партии, «Социалистический Вестник».

Само собою разумеется, что ни для нас, ни для несчастного Рыкова не было бы ничего позорящего, если бы заявление его соответствовало истине. Да, впрочем, общеизвестно, что высокое качество информации нашей о Советском Союзе именно тем и объясняется, что за те 17 лет, что «Социалистический Вестник» издается за границей, всегда находилось

*) 16 октября парижский суд исправительной полиции дело это разбирает и, присудив «Юманитэ» к штрафу, обязал ее мое письмо напечатать.

и еще находится достаточно «старых большевиков», остающихся при убеждении, что рано или поздно единство социалистического рабочего движения будет восстановлено в Советском Союзе, как и во всем мире, и потому считающих возможным пользоваться нашим органом, чтобы при нашем содействии громко говорить те истины, которые Сталин запрещает им говорить в самом СССР.

Но мы считаем все же нужным констатировать, что применительно лично к Рыкову заявление его противоречит истине: ни непосредственно, ни через наше посредство Рыков никогда не доставлял нашему органу никакой информации.

Ф. Дан.

Б. Николаевский.

ПИСЬМО Б. И. НИКОЛАЕВСКОГО.

Во время московского процесса, на утреннем заседании 7 марта, Н. И. Бухарин рассказал, что «находясь в 1936 г. за границей, он вошел в соглашение с меньшевиком Николаевским о том, чтобы в случае неудачи заговора лидеры II-го Интернационала открыли кампанию в печати в пользу заговорщиков» («Тан» от 9 марта). Только что полученный в Париже номер «Правды» от 8 марта дает подробный отчет об этом допросе Бухарина, в ходе которого последний действительно несколько раз упомянул мою фамилию и рассказал о якобы имевших место политических переговорах между ним и мною.

В этой связи я вынужден сделать следующее заявление:

Автор этого письма действительно многократно встречался с Бухариным во время пребывания последнего в Париже в марте-апреле 1936 г., — но эти встречи отнюдь не носили характера каких-то тайных свиданий и были превосходно известны организаторам теперешнего московского процесса. Бухарин приезжал тогда в Париж в составе особой комиссии Института Маркса-Энгельса-Ленина, во главе которой стоял директор этого Института В. В. Адоратский, для переговоров относительно приобретения для Института определенной группы архивных материалов. В числе других лиц, с которыми эта комиссия вступила в сношения, находился и автор настоящего письма. Командирована в Париж эта комиссия была по решению Политбюро ВКП и действовала в пределах инструкций, данных ей лично Сталиным, причем эти инструкции, как мне тогда же было сообщено, предусматривали не только переговоры со мною, но и привлечение меня на пост постоянного представителя означенного Института за границей, — предложение, которое мною было отклонено. В переговорах этих участвовал целый ряд лиц и о них сохранились письменные документы, которые в случае нужды могут быть опубликованы. Все без исключения мои встречи с Бухариным, равно как и другими членами комиссии, происходили в рамках именно этих переговоров. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего **переговоры политического характера**, во время этих встреч не происходило. В частности, при наших встречах не было, конечно, и намека на разговоры о каких-то якобы существующих в СССР заговорах и об организации агитационной кампании в случае их неудачи. Все такого рода утверждения Бухарина на процессе относятся к области чистого вымысла, объяснить который я могу только кошмарной обстановкой, царящей на московском процессе, — обстановкой, которая заставляет подсудимых возводить на себя такие нелепые, вздорные обвинения, которым не может верить ни один здравомыслящий человек.

Б. Николаевский.

11 марта 1938.

P. S. — Только что полученные в Париже московские газеты с подробным отчетом о показаниях Ягоды содержат рассказ последнего о том, что А. И. Рыков с ведома и согласия Ягоды послал мне пакет с какими-то документами через некоего Винецкого, «инспектора связи Наркомата Связи и одновременно инспектора связи в НКВД». Этот рассказ был немедленно же опровергнут Рыковым, заявившим, что он не знает никакого Винецкого. Со своей стороны я категорически утверждаю, что никого, кто носил бы имя Винецкого (или похожее), я никогда в своей жизни не знал и никаких пакетов от Рыкова ни через этого Винецкого, ни через кого бы то ни было другого не получал.

13 марта 1938.

ВМЕСТО РЕЧИ.

9 марта Парижский Комитет по изучению московских процессов организовал в зале Ваграм собрание протеста против никивизионного «процесса 21». На это собрание был приглашен в качестве оратора и Ф. Дан, обратившийся к организаторам митинга с следующим письмом, оглашенным на собрании:

К моему великому сожалению, затяжная болезнь мешает мне выступить на собрании, чтобы вместе с вами громко заявить о негодовании, вызываемом во мне новой кровавой и позорной трагикомедией, инсценированной, после стольких других, мрачным кремлевским диктатором.

Топя в болоте крови и грязи все поколения большевизма, которые были поставлены историей во главе великой русской революции и так долго руководили ею, Сталин топит в этом болоте самое революцию.

Убивая всех выдающихся руководителей администрации, хозяйства и даже армии, Сталин обезоруживает революцию перед ее бесчисленными врагами.

Морально изолируя советское правительство в рабочем и демократическом общественном мнении всего мира, Сталин играет в руку Гитлеру, Муссолини, японскому милитаризму, английским реакционерам, всем тем, которые жаждут победы объединенного фашизма на развалинах русской революции, международного социализма и международной демократии.

Если слово «предатель» имеет еще какой-либо смысл, то истинными предателями революции и социализма являются сам Сталин и те, кто вместе с ним и по его приказу делают это грязное дело.

В течение всей моей жизни борца за социализм я был и остаюсь убежденным социалдемократом, т. е. решительным противником большевистских концепций и большевистской политики. С тем большим убеждением утверждаю я, что, убивая морально и физически «старый большевизм», Сталин убивает самое революцию, делает дело контр-революции.

Но Сталин — это одно, а революция — другое. Надо сделать все, чтобы спасти русскую революцию вопреки Сталину и против Сталина.

Но русская революция не может быть спасена ни актами террора, ни военными заговорами, ни какими-нибудь путчами, ни «дворцовыми переворотами». Она может быть спасена лишь планомерной и сознательной, свободной и организованной борьбой самих трудящихся масс.

Основным несчастьем советской революции, породившим все другие, было то, что она закулировала тот животворящий и единственный источник социализма и демократии, каким является свободная, организованная самостоятельность трудящихся масс.

К этому источнику надо вернуться, чтобы спасти революцию и превратить Советский Союз в настоящий оплот международного рабочего движения в той последней и решительной битве его за полное освобождение, к которой толкает человечество сам обнаглевший и агрессивный фашизм.

Да здравствует свободная, организованная самостоятельность рабочего класса!

Да здравствует русская революция!

Да здравствует русский и международный социализм!

Ф. Дан.

ИЗ ПАРТИИ

40-ЛЕТИЕ РСДРП.

В дни печатания и выхода этого номера исполняется ровно 40 лет со дня основания нашей партии на ее учредительном съезде в Минске.

Заграничная Делегация предполагала приурочить к этим дням торжественное юбилейное чествование памятной даты. Редакция «Соц. Вест.» имела, со своей стороны, в виду выпустить специальный юбилейный номер журнала.

Общая международная обстановка, как и ситуация в Советском Союзе принимают однако как раз в эти дни такой напряженный и тревожный характер, что всякие юбилейные празднования оказались бы в данный момент неуместными.

ЗД РСДРП и редакция «Соц. Вест.» считают поэтому нужным отложить празднование 40-летия партии до более благоприятного момента, о котором и члены партии, и наши друзья в Интернационале будут своевременно поставлены в известность.

Борис МЕР

Во время верстки журнала мы получили сообщение о смерти в Стокгольме **Бориса Абрамовича Мера**. Заграничная Делегация РСДРП и Бунда телеграммой выразила свою скорбь по поводу утери стойкого борца за дело рабочего класса и верного друга русской социалдемократии. В следующем номере мы поместим некролог, посвященный памяти нашего старого друга, 60-летие которого было отмечено лишь в прошлом номере «С. В.».

ПО РОССИИ

ЛЕНИНГРАД. — Из достоверного источника сообщают, что за последние недели в Ленинграде произошли новые массовые аресты. Говорят о 20.000 арестованных. Много арестованных врачей, зубных врачей и т. д. Город разделен на участки, переведенные на военное положение. По улицам беспрерывно мчатся автомобили ГПУ. — Хозяйственная жизнь приведена в полное расстройство, повсюду царит неописуемый хаос.

МОСКВА. — Процесс 21-го.

Вчера начался процесс, — вы понимаете, какое здесь царит настроение. Пишу совсем наспех, простите за отрывочность.

Готовили этот процесс очень долго. Теперь ясно, что он был задуман еще в период подготовки процесса Зиновьева-Каменева. По существу оба первых процесса имели характер подготовительных и должны были расчистить почву и создать подходящую партийно-политическую обстановку для теперешнего процесса Рыкова и Бухарина, которых Сталин давно уже считал единственными серьезными конкурентами в деле влияния на партию... Теперь пришел их черед становиться к расцвету.

Слышал, что на этот раз «обработка» обвиняемых была делом исключительно трудным. Допросы тянулись непрерывно по 3-5 и больше суток без перерывов. Следователи, конечно, менялись, — а допрашиваемым спать не давали. Если кто падал в обморок, ему давали нюхать нашатырный спирт, делали какие-то впрыскивания (врач во время таких допросов всегда находился наготове в соседней комнате), — и затем допрос продолжался, как ни в чем не бывало. В широком масштабе применялись аресты родственников, включая старух матерей и малолетних детей. Я слышал, что в некоторых случаях, в отношении наиболее упорствовавших применялся расстрел у него на глазах его родных. Конечно, в широких масштабах применялся и расстрел самих «несознающихся», тоже в присутствии их продолжавших упорствовать друзей.

В начале предполагали процесс сделать более многочисленным. На нем должны были фигурировать Енукидзе, Кахан и др., расстрелянные несколько недель тому назад без гласного суда. В последний момент их решили на открытый суд не выводить, так как организаторы процесса не доверяли их «признаниям» и опасались с их стороны каких-либо неприятностей при публичных дебатах.

Тем, кого привели на суд, старались внушить мысль, что на этот раз вполне возможно спасение жизни, если они будут вести себя так, как им указано инструкторами процесса.

Несмотря на все эти чрезвычайные меры предосторожности опасение «срыва» весьма велико. Ведь достаточно на самом деле всего только одному из главных обвиняемых взять на суде обратно свои показания, данные во время предварительного следствия и публично, в присутствии иностранных корреспондентов рассказать правду о том, как из них эти показания «выколачивали», чтобы весь эффект процесса обрушился на его режиссеров. Поэтому заранее было обращено особое внимание на обработку здешних иностранных журналистов. Некоторые из них, особенно независимые по своему характеру, под теми или иными предлогами вообще удалены из СССР. Оставшихся пытаются самыми разнообразными средствами так или иначе включить в намеченную кампанию обработки западно-европейского общественного мнения. Требования в этой области ставят самые различные. Позволяют не только критиковать обвинителя и судей, но и открыто оспаривать в телеграммах те или иные частности обвинительного заключения, если корреспондент берет обязательство в той или иной мере дискредитировать подсудимых и поддерживать основную тезу обвинения: о существовании заговора. В какой мере эта задача будет достигнута, вы сможете судить легче меня...

И еще одно из области подготовки процесса: меня уверяли, что с объявлением о процессе, тянули до того момента, когда «папанинцы» будут спасены, и что его конец будет подогнан ко времени прибытия «папанинцев» в Ленинград. Для того, чтобы в буре восторгов по поводу спасения этих четырех смельчаков скорее потонуло эхо расстрелов...

Несмотря на всю тщательность режиссуры «срыв» процесса повидимому, все же возможен, вчерашнее утреннее заседание в этом отношении крайне показательно. Эпизод этот в наших сегодняшних газетах полностью отсутствует, а потому расскажу о нем то, что я слышал от очевидцев.

После оглашения обвинительного заключения председатель начал опрос подсудимых, признают ли они себя виновными в рамках этого заключения. Этот опрос обычно носит чисто формальный характер, а потому и на этот раз никто особых сенсаций не ожидал. И действительно Рыков, Бухарин и Ягода, стоявшие первыми в списке обвиняемых, ответили утвердительно. Но Крестинский, который стоял за Ягодой, на вопрос председателя ответил категорическим отрицанием всех выдвинутых против него обвинений: он категорически отверг и обвинение в сношениях с Троцким, и обвинение в шпионаже и пр. Это отрицание вызвало и переполох в зале, и смещение за столом судей. Вмешался Вышинский, который не прося разрешения у председателя (зачем обращать внимание на такие мелочи?), с особым подчеркиванием, как будто на что-то намекая, указал подсудимому, что он во всем этом признался во время предварительного следствия. Крестинский как будто бы ждал этого вопроса, и торопливо, волнуясь и сам себя перебивая, — как человек, который боится, что его вот-вот остановят, — начал рассказывать, что на предварительном следствии он согласился подписать протоколы с продиктованными ему ложными обвинениями, так как он был уверен, что его расстреляют без суда и тогда его объяснения не дойдут до общественного мнения партии. Вышинский, который никогда не отличался большой сообразительностью, в этом месте перебил Крестинского новым вопросом, звучавшим уже как прямая угроза:

«Но ведь не будете же вы утверждать, что к вам во время следствия было применено насилие?»

Крестинский на это ответил:

«Конечно, именно это я и утверждаю»...

В этот момент вмешался оправившийся Ульрих и, жестом остановив Вышинского, усадил Крестинского заявлением, что для объяснений по существу он получит слово в свое время, а затем, торопливо закончив опрос остальных обвиняемых, объявил перерыв, который совсем не был намечен заранее. Таков был первый сюрприз нового процесса, хочется думать, что он не будет последним...

А аресты тем временем идут своим чередом. Недавно справили 20-летие Красной Армии, справили его совсем «посталински»: огромным количеством арестов. Говорят, что лиц командного состава на этот раз взято больше, чем даже в дни расстрела Тухачевского и его друзей. Особенно много арестуют военных академиков: Академия объявлена очагом крамолы... Почти поголовно перебирают всех, кто имел отношение к революционному движению в царские времена, причем сейчас почти не делается разницы, к какой группировке данное лицо принадлежало в прошлом: большевики часто являются еще более подозрительными для НКВД, чем меньшевики. С особенной подозрительностью относятся ко всем, кто когда либо был в эмиграции. Равным образом перебирают всех советских граждан, совершивших ту или иную поездку за границу. Огромные аресты произведены в ссылках; многие привезены в Москву. Говорят о новых процессах, которые якобы стоят на очереди... Наверное, многое сатнет ясным из прений на процессе... Во всяком случае настроение сейчас у всех самое отвратительное: бешеная собака выпущена на сброду, и никто не знает, из-за какого угла и на кого она сбросит в ближайшую очередь.

X.

РАЗГРОМ КОМИНТЕРНА.

От одного американского специалиста, 12 лет проработавшего в Советском Союзе, а в 1936 году арестованного и после 15-месячного заключения высланного за границу (имя его нам известно, но, в интересах кое-каких лиц, еще оставшихся в Союзе, не может быть пока опубликовано), мы получили следующее письмо:

«В Москве я сидел вместе с целым рядом работников Коминтерна, от которых получил препровождаемые при сем данные. Из аппарата Коминтерна арестовано всего около 100 человек, однако всех фамилий запомнить мне не удалось, а относительно некоторых я могу указать лишь клички, под которыми они работали в Коминтерне. Арестованные работники Коминтерна просили меня передать все эти сведения социалистическим партиям, а также сообщить этим

партиям их мнение о политике Сталина в вопросах единого фронта и профсоюзного единства».

Далее следует самое сообщение, передаваемое по поручению работников Коминтерна, причем, разумеется, все содержание его мы оставляем целиком на ответственности его инициаторов:

В настоящее время происходит основательный разгром руководящих кадров Коминтерна. Арестованы такие члены русской секции, как **Пятницкий** и **Кнорин**, которые до 7 конгресса Коминтерна были членами президиума и членами политической комиссии. Пятницкий был также секретарем Коминтерна.

Из членов **Исполкома**, избранного на 7 конгрессе, арестованы: **польские** коммунисты **Ленский** и **Бронковский**, **венгерец** **Бэла Кун**, **японские** коммунисты **Танака** и **Окапо**. Из представителей отдельных коммунистических партий и работников этих партий арестованы: все работники **польской** партии, в том числе члены ЦК КПП **Альберт**, **Белевский**, **Братковский**, **Краевский**, **Кшекыжевский** и др.; работники КП **Германии**: **Гейнц Нейманн**, **Валленберг**, **Рейман**, **Реммеле**, **Штейн** и др.; член ЦК КП **Дании** и представитель КП **Дании** при Исполкоме КИ **Мунк-Петерсен**; члены ЦК **финляндской** КП **Маннер**, **Мэкинен**, **Хэймо**, жена **Маннера**, **Хюллинг** и др.; представитель ЦК КП **Эстонии** **Меринг**; члены ЦК **латвийской** компартии **Балодис**, **Баузер**, **Банзе**, **Мартин** и др.; работники **румынской** компартии **Черномордик**, **Бернш**, **Бригадир** и др.

Из **руководящих работников** аппарата Коминтерна арестованы: заведующий орготделом, член ВКП(б) **Васильев**, заведующий агитпропом, член ВКП(б) **Чернин**, редактор журнала «Коммунистический Интернационал», немецкий коммунист **Смолянский**, зав. секретариатом ИККИ, американский коммунист **Мингуллин**, зав. отделом кадров, член ВКП(б) **Алиханов**. При ИККИ работает так наз. **ОМС (Отдел Международной Связи)**, через который идет вся связь между центральным аппаратом и отдельными партиями и который имеет своих представителей во всех важнейших странах. В настоящее время руководители этого аппарата **Абрамов** и **Миллер** арестованы, а также вызваны в СССР и там арестованы все заграничные работники этого аппарата, среди них члены английской, французской, американской, датской, германской компартий. Арестовано большинство членов **Интернациональной Контрольной Комиссии**, в том числе поголовно все избранные на 7 конгрессе члены этой комиссии от германской, польской, итальянской, румынской и югославской партий (имена их мне были названы, но я не могу их припомнить). Кроме того вызван в Москву и там арестован ряд работников различных заграничных партий.

Всех этих людей пытаются обвинить в провокаторстве, шпионстве, намеренном развале работы коммунистических партий, извращениях линии Коминтерна и т. п. На самом деле Сталин боится, что в виду всего, происходящего в СССР, эти люди могут стать застрельщиками международного противодействия его авантюристической политике и инициаторами действительного единого фронта, которого Сталин не хочет.

Арестованные работники Коминтерна просили меня передать всем социалистическим партиям, что своей политикой единого фронта Сталин стремится лишь подчинить все социалистические партии контролю ГПУ, чтобы «устранять» нежелательных ему деятелей социалистических партий, так же, как он устраняет теперь руководителей компартий. Они просили меня также передать всем социалистическим партиям и профсоюзам, что вступление советских профсоюзов в Амстердамский Интернационал является ничем иным, как попыткой Сталина подчинить себе все международное профессиональное движение, что неизбежно приведет лишь к еще более острому расколу, ибо честного единства Сталин не желает.

Ряд крупных арестованных работников Коминтерна, имевших случай работать со Сталиным более чем 10 лет и потому хорошо знающих его политику в области международного рабочего движения, уверяют, что политика единого фронта по рецепту Сталина является грандиознейшей провокацией против социалистического рабочего движения и не может привести ни к чему иному, кроме краха.

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ.

В. Кривичский (Вальтер), о «бегстве» которого от Сталина мы недавно сообщали, пишет нам:

Социалисты и демократы всего мира с возрастающим ужасом и недоумением следят за разрывавшейся в рамках московских процессов трагедией заключительной фазы русской революции.

А европейские коммунисты? Официальные их статьи — это просто копии бредовых высказываний «Правды» и «Известий». Но достаточно послушать, что они говорят неофициально, промеж себя, чтобы понять, какое гнетущее впечатление...

чатление производят и на них массовые аресты и процессы. Я мог бы очень много рассказать об этом, но, по понятным причинам, могу говорить лишь о тех немногих, которые находятся вне пределов сталинской досягаемости.

Осенью 1937 года я как-то встретился с членом ЦК австрийской компартии Леопольдом Горником. Разговорились о событиях в Советском Союзе, о массовых арестах среди работников Коминтерна, в том числе таких известных революционеров, как Валецкий, Краевский и личные приятели Горника — Беттельгейм, Коричонер и др. И как возмущался Горник этими арестами, как негодовал на предъявляемые арестованным обвинения в шпионаже и т. п.! Но в своих официальных выступлениях Горник, как и другие ответственные коммунисты, разумеется, вынужден был поддерживать все казенные советские измышления. И у всех таких ответственных коммунистов имеется всегда (пока их самих не засадят!) и услужливо подсказываемое всякими Шмерелями оправдание таким сделкам с собственной совестью: они служат-де «интересам рабочего класса»!

В Москве арестована и расстреляна польская коммунистка **Красная**. Она — жена умершего в 1932 году старого польского коммуниста Иосифа Красного (Ротштатта). Ее обвинили между прочим в том, что она в свое время работала в польской коммунистической газете «Свит», издававшейся в Вене по поручению Польской компартии в 1919-20 годах. Через 20 лет ежовские молодцы умудрились превратить эту газету в орган, якобы субсидировавшийся 2 отделением Польского генерального штаба, не остановившись для этого и перед посмертным оклеветанием основателя газеты, мужа Красной, как «польского шпиона».

О том, что это была в действительности за газета «Свит» и какую крупную роль играли в рабочем движении Польши такие революционеры, как Красный, хорошо знают весьма многие ответственные польские коммунисты. Но найдется ли среди них хотя бы один, готовый засвидетельствовать правду? Сделает ли это ну хоть Адам Длуский, который находится вне Советского Союза и которому поэтому сталинская расправа не грозит? Ведь Длуский вместе с Красным принимал ближайшее участие в создании «Свита» и хорошо знал покойного революционера. И все-же, надо думать, он предпочтет позорно промолчать: двойная бухгалтерия, увы, слишком уж прочно вошла в нравы этого круга «ответственных» работников Коминтерна!..

КРИЗИС КРАСНОЙ АРМИИ.

Лавина террора нарастает, все шире захватывая все звенья партийного и советского аппарата. Террор последних трех лет это внутрисоветский террор по преимуществу, поражающий основную ткань официального советского общества. Процесс Зиновьева-Каменева в августе 1936 г. должен был задуть последние ростки самостоятельной мысли в **компартии**. Процесс Пятакова-Радека-Сокольников в январе 1937 года был кульминационным пунктом гигантской «очистительной» операции в рядах **хозяйственников**. Арест Ягоды в апреле 1937 г. сопровождался кровавой расправой с воспитанными Ягодой руководящими кадрами **политической полиции**. Дело Тухачевского в июне 1937 года знаменовало начало широкого наступления руководимых Ежовым заплечных дел мастеров на основные кадры **армии**; с конца лета началось массовый разгром руководящих кадров **флота**. В самые последние недели этот процесс разгрома старых, сложившихся в революции руководящих кадров армии и флота принял такие размеры, что сейчас уже можно говорить о подлинном кризисе Красной Армии. И не случайно кризис этот совпал в Советском Союзе с самым чудовищным политическим процессом последних лет, процессом Бухарина-Рыкова. Общий внутренний кризис Советского Союза явно приближается к своей высшей точке.

В настоящем обзоре я попытаюсь дать сводку важнейших фактов, в которых кризис в армии нашел свое наиболее выразительное выражение. Обратимся прежде всего к верхушке Наркомата обороны. К началу прошлого года во главе Наркомата кроме Ворошилова стояли два его заместителя — Тухачевский в качестве военного и Гамарник в качестве политического руководителя армии. В январе 1937 г. были созданы еще две должности заместителей наркома обороны: по военно-морским и по военно-воздушным делам. На должности эти были назначены соответственно Орлов и Алкснис. Все четыре за год сошли со сцены: **Гамарник** покончил с собой 31-го мая; **Тухачевский** расстрелян 12-го июня; **Орлов** исчез в конце лета в становящемся традиционным угрожающем порядке: в газетах появилось сообщение о назначении на должность командующего военно-морскими силами и заместителя наркома обороны по военно-морским делам нового лица — **Викторова**; имя Орлова при этом даже не было упомянуто; и лишь почти через полгода, из речи Ворошилова, посвященной двадцатилетию РККА, стало известно, что

Орлов принадлежал к «военно-фашистской банде» Тухачевского. Это значит, что и Орлова уже нет в живых. Немногом дольше удержался и **Алкснис**: еще в ноябре он был выставлен кандидатом в Верховный Совет, но перед самыми выборами он был заменен другим кандидатом и исчез. Все говорит за то, что и Алкснис уже расстрелян.

Но и преемники Тухачевского и Орлова — маршал **Егоров** и флагман **Викторов** — оказались недолговечны. Еще в декабре оба были избраны в Верховный Совет. Но когда в конце декабря из Наркомобороны был выделен новый Наркомат по военно-морским делам, Викторов не был назначен ни наркомом, ни заместителем наркома и просто исчез с горизонта. А когда в феврале 1938 г. был опубликован громадный список офицеров армии и флота, награжденных по случаю юбилея РККА орденами (1225 человек), Викторов и маршала Егорова в нем уже не оказалось. Это значит, конечно, что карьера их кончена и судьба предрешена.

Менее, чем за год, нарком обороны потерял в порядке сталинско-ежовской расправы шестерых своих заместителей, всю руководящую головку армии и флота. Вслед за Тухачевским, Гамарником, Орловым, Алкснисом арестованы в качестве «фашистских наймитов» тысячи командиров армии и флота, сотни из них расстреляны. Особенно значительны опустошения в рядах высшего офицерства.

Уже вместе с Тухачевским сошли в могилу командующие войсками военных округов **Якир**, **Уборевич** и **Примаков**, начальник академии генерального штаба **Корк**, председатель Осоавиахима и бывш. начальник академии генерального штаба **Эйдеман** и др. Но что стало за истекшие 8 месяцев с **судьями Тухачевского**? В состав суда, кроме председателя Ульяхова, входили 8 человек: замнаркомобороны Алкснис, начальник генерального штаба Шапошников, 5 командующих войсками военных округов Буденный, Блюхер, Белов, Дыбенко и Каширин и командир кавалерийского казачьего корпуса Горячев. Все они — кроме Каширина — еще были выставлены кандидатами в Верховный Совет и — кроме Алксниса — избраны, и почти все они уже обречены. **Каширин** сошел со сцены еще в начале осени, **Алкснис** накануне выборов (см. выше). Командующий войсками Ленинградского военного округа **Дыбенко** получил первое предостережение при выставлении кандидатов в Верховный Совет (см. «Соц. Вест.» № 22 за прошлый год), но тогда как-то удержался. Сейчас ни его, ни командующего войсками Белорусского военного округа **Белова**, ни даже командующего войсками Московского военного округа маршала **Буденного** в списке награжденных орденами по случаю юбилея РККА нет, как нет в этом списке и члена Верховного Совета, командующего войсками Закавказского военного округа **Куйбышева**. Это для всех названных лиц начало конца.

Так, уже после расстрела Тухачевского и его друзей и беспощадной «чистки» руководящих кадров РККА высшее военное руководство в Московском, Ленинградском, Белорусском, Северокавказском и Закавказском военных округах — т. е. в пяти округах из 12 — вновь оказалось ненадежным. К этому списку нужно прибавить командующего войсками Забайкальского военного округа, **Великанова**, который был выставлен и даже уже утвержден в качестве кандидата в Верховный Совет, но, как и Алкснис, заменен перед самыми выборами другим кандидатом и, конечно, арестован. Такая же судьба постигла членов военных советов Белорусского военного округа **Мезиса**, Харьковского военного округа **Озолина**, Закавказского военного округа **Апсе**. А ведь военные советы и созданы-то были лишь в момент падения Тухачевского со специальной целью наведения в армии сталинско-ежовского «порядка».

Во флоте положение, может быть, еще серьезнее. Выше уже отмечалось падение Орлова и Викторова, в течение одного года двух высших руководителей советского флота. Вместе с Орловым Ворошилов в своей речи, посвященной юбилею РККА, упомянул в качестве членов «военно-фашистской банды» **Лудри** и **Сивкова**. **Лудри** был начальником военно-морской академии, **Сивков** с января 1937 г. командующим балтийским флотом. В трех остальных флотах — Тихоокеанском, Черноморском и Северном — положение тоже не лучше. Командующим Тихоокеанским флотом после отозвания — и повышения в должности — Викторова (см. выше) был назначен **Киреев**. Во время избирательной кампании в Верховный Совет имя его называлось в числе кандидатов, но в списке официально утвержденных кандидатов его уже не оказалось. Звезда его закатилась быстро. В Черноморском флоте командующий **Кожанов** был заменен в октябре **Смирновым-Сверловским** и исчез. Но и счастье **Смирнова-Сверловского** тоже было недолговечно. В декабре он еще был избран в Верховный Совет, а в феврале его карьера уже была кончена: в списке награжденных орденами по случаю юбилея РККА для него уже не нашлось места, как нет в этом списке и члена Верховного Совета, командующего Северным военным флотом **Душенова**.

Среди высших чинов армии и флота (наркомов, заместителей наркомов, командующих военными округами и командующих флотами) 22 были избраны в декабре в Верховный Совет. Их ли, казалось, не просеивали, их ли не проверяли? Но вот уже через два месяца восемь из этих вернейших 22 оказались ненадежны. Правда, их еще, может быть, не арестуют, некоторых из них оставляют пока на занимавшихся ими должностях, а маршал Буденный даже внесен в список 25.000 награжденных юбилейной медалью; но тот же Буденный не избран уже в состав почетного президиума торжественного юбилейного собрания ни в Москве, ни в Ленинграде, ни даже в Киеве; и сам он, конечно, меньше всего заблуждается относительно смысла полученного им «предостережения».

Предостережение это действительно не только для Буденного, но и для — **Ворошилова**. Его многолетние сотрудники один за другим уничтожаются, многие из них объявляются изменниками и предателями. Сам Ворошилов, спасая себя, спешит принять в этой постыдной расправе посильное участие и роет яму, в которую сам же и свалится. Может быть, час его уже близок. Сталин недавно очень убедительно об этом ему напомнил.

В конце ноября в печати появилось сообщение о назначении заместителем наркома обороны комиссара Киевского военного округа **Щаденко**. Назначение это вызвало некоторое изумление: кого должен был заменить Щаденко? Замнаркомом по политической части всего за два месяца до того был назначен П. А. Смирнов (пост этот после самоубийства Гамарника оставался в течение 4 месяцев не замещенным). Ни на какой другой пост Щаденко в роли заместителя наркома претендовать не мог. Невольно возникал вопрос: неужели Смирнов так быстро выдохся? Загадка вскоре разъяснилась. В конце декабря был образован новый наркомат — по военно-морским делам, и руководство им было передано П. А. Смирнову. Но тут-то Ворошилову и был нанесен решительный удар. Заведывание политической работой в армии было передано не Щаденко, близко связанному с Ворошиловым со времени гражданской войны, а — главному редактору «Правды», выходцу из личного секретариата Сталина **Мехлису**. В роли армейского Ежова Мехлис быстро прибрал все к своим рукам, устранил Егорова и стал подлинным хозяином в наркомате, усердно поддерживаемый новым замнаркомом **Федько**, неожиданно появившимся в роли заместителя наркома обороны без того даже, чтобы об этом назначении было объявлено официально.

В сложившейся в армии тяжелой обстановке юбилей РККА оказался чрезвычайно не ко двору. Ну, как провести торжественные парады войск, когда в рядах командиров, которых население привыкло видеть во время парадов во главе войск, как раз сейчас производится такие чудовищные опустошения? Можно представить себе, какие пробелы зияют в рядах командного состава и какие настроения здесь, а, мо-

жет быть и в самой толще армии прорываются, если правительство решилось на такой необычный шаг как **полный и повсеместный отказ от парада войск в день юбилея РККА**.

Вместо парада войск была сделана попытка создать какой-то суррогат народного празднования. Вот как «Правда» описывает день 23-го февраля в Москве:

«Просторные магистрали столицы вчера с утра украсились красными флагами, лозунгами, портретами руководителей партии и правительства и полководцев Красной Армии.

По улицам шли стройные колонны воинских частей московского гарнизона. Солнечные лучи освещали фигуры гладко выбритых юношей в аккуратных военных шинелях. Оживленные, бодрые, веселые они направлялись в театры и кино, где для них показывались лучшие пьесы и фильмы, шли на торжественные собрания, посвященные славному юбилею...

Нарядно убранные площади искрились и сверкали праздничными огнями. Военные оркестры и радиорупоры перерезали воздух звуками народных песен. Марши, отрывки из симфонических произведений и песни сменялись танцевальной музыкой...

И т. д., и т. д. Все это было бы, может быть, не плохо, если бы это веселье было подлинным и не носило такого нарочитого характера и если бы за ним не чувствовалась тяжелая трагедия, переживаемая армией и страной. В сложившейся обстановке это наигранное веселье напоминало плясовую на похоронах.

Кризис армии достиг чудовищной остроты. Сталин с Ежовым и сворой своих Федек и Мехлисов доведут армию до гибели.

С. Ш.

В ПОСЛЕДнюю МИНУТУ

Мы не имеем, к сожалению, возможности дать отчет о **конференции политического и профессионального Интернационалов** и привести принятую ею обширную резолюцию о **международном положении**. Даем лишь резолюцию Исполкома РСИ о московском процессе:

«Исполком РСИ одобряет телеграмму, посланную 1 марта советскому правительству и подписанную его председателем и секретарем, а также письма, которыми его председатель и секретарь ответили на гнусные клеветы, брошенные на московском процессе против члена Исполкома, тов. Ф. И. Дана.

«Процесс, закончившийся казнью Бухарина и 17 его сопроцессников, побуждает Исполком РСИ заявить, что он не может питать никакого доверия к политическим судам Советского Союза».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1938 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(18-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш. за год — 6 долл., за 1/2 г. — 3 долл., за 1/4 г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за 1/2 г. — 75 фр., за 1/4 г. — 40 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 4 фр., двойного — 6 фр.; для С.А.С.Ш. — 25 центов, двойного — 35

центов; для остальных стран — 6 фр., двойного — 9 франков.

ПРЕМИЯ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно:

- 1) Абонемент на *Kampf*, на полгода или
- 2) *B. Nicolaïevski et O. Mænchen-Helfen. — Karl Marx.*

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно